

Сломанный меч / Broken Sword (новелла)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Сломанный меч / Broken Sword
(новелла)

Автор	Гай Хейли / Guy Haley
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Серия книг	Битвы Космического Десанта / Space Marine Battles
Год издания	2014
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Содержание

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Глава одиннадцатая

Глава двенадцатая

Глава тринадцатая

Глава четырнадцатая

Глава пятнадцатая

Глава шестнадцатая

Глава первая

Запись № 7-9998-14-гуэ'веса.

Институт по делам людей в Луи'са'лоа, Борк'ан. Код для поиска: 14а-159.

Личные воспоминания гуэ'веса'вре Дал'ит Дж'тен Ко'лина, ла'руа № 8448 вспомогательных сил гуэ'веса (охрана дипломатического корпуса).

Это всё из-за Умелого Оратора.

Меня попросили описать случившееся как можно искреннее, так и я сделаю. Не думаю, что вам понравится всё из моего рассказа... хотя о чем я, вы же все так чертовски уверены в себе. Наверное, вы просто не прислушаетесь к этим моментам, или не обратите на них внимания. Я ведь, в конце концов, всего лишь гуэ'ла, да ещё из первого поколения.

Говорить буду на готике. Операция на голосовых связках ещё впереди, и боюсь, что мой тау'но'пор окажется в равной мере неразборчивым и неприятным для слушателей.

Ну ладно, поехали. Я - гуэ'веса Дал'ит Дж'тен Кол'ин. В другой жизни я был, и ещё остаюсь для самого себя и других людей-помощников - то есть, гуэ'веса, - Джатеном Корлингом. Родился на Швартовке Гормена, которая сейчас называется Г'мен в септе Кси'м'йен, но всё это в прошлом.

И вот мои устные показания.

Во-первых, пор'эль Борк'ан Каис Пор'ноа, *Умелый Оратор*, был моим другом. Я очень тяжело переношу эту потерю - даже тяжелее, чем произошедшее с моей командой, по правде говоря. Вы ведь хотите услышать правду, верно? Мне это дается непросто. В Империи, сказав правду, можно было легко

расстаться с жизнью. Поэтому, если вам покажется, что я колеблюсь, прошу меня извинить. Впрочем, раз уж вы проявили любезность и выказали мне доверие, я, наверное, могу только ответить взаимностью и надеяться на лучшее.

Вы говорите, что нам дается выбор. Как и я, вы прекрасно понимаете, что выбора нет. Мне предложили выбрать, когда я лежал при смерти, медленно истекая кровью на Швартовке Гормена. Клинок на винтовке крута прошел прямо через бедренную артерию. Все бойцы моего взвода были мертвы. Мне наложили жгут, но долго бы я не протянул, а круты уже начинали лакомиться трупами. Я пытался не смотреть на это, но звуки...

Мне пришло в голову, что, ну, вы понимаете, всё. Со мной покончено. Слава Императору, да здравствует Империиум, прощай, капитан Джатен Корлинг.

Шас'вре отряда, изрешетившего половину наших бойцов, отозвал крутов, воины огня проверили мертвецов, нашли меня. Через несколько секунд появился медик. Видимо, он увидел мои знаки различия, потому что пару минут спустя возник Умелый Оратор и начал в деталях расписывать Высшее Благо, пока несколько тау из касты земли зашивали меня. Я его перебил. Тогда я был измотан, выжат; полумертв, в буквальном смысле. Меня вытолкнули на передовую умирать, словно щит для больших шишек - вот только умерли они, а я выжил. До этого мне уже скормили столько высокопарных слов, что хватило бы на всю жизнь.

Умелый Оратор оказался терпеливым и вежливо выслушал меня.

«Я предаю Империиум ради твоего Высшего Блага, - сказал я тогда. Слышал, как оно работало. Видел, как открыто торгуют устройствами, сделанными тау, даже заметил как-то пару ребят-водников, беспрепятственно шатавшихся по Главной улице. Знал о планетах, сдавшихся без единого выстрела. А ещё слышал, что тау убивали всех, кто не согласился перейти на их сторону. Порабощали остальных, иногда вырезали и тех, кто не сопротивлялся... Уверен, вы меня снова простите. «Как можно искреннее», верно? Так нам о вас рассказывали - ксеноублюдки, худшие из худших, превращают честных людей в предателей. - Но что, если я откажусь?»

Тогда Умелый Оратор улыбнулся, показав большие квадратные зубы. У него было такое выразительное лицо... Вы же знаете, что кажетесь нам бесстрастными? Большинство из вас морщат носы, когда радуются чему-то, шас'ла всегда выглядят немного раздраженными, но в остальном вы, тау, лишены мимики. Я прослушал все тщательно выверенные лекции о том, как чужаки не могут полноценно овладеть тау'но'пором, об огорчении, которое вызывает этот наш недостаток. Думаю, вы не понимаете, что важничаете, упуская из виду собственную ограниченность. Да, конечно, даже после перестройки голосовых связок я никогда не овладею тройственной фазой изящной дисгармонии, сколько бы раз вы ни заставляли меня повторять упражнения. Я не смогу различить все четырнадцать тонов, ну и ладно. Если кто-нибудь из вас научится подмигивать - тогда и похваляйтесь.

Но Умелый Оратор отличался от других. Хотя у всех пор'ла выразительные лица, он выделялся даже среди них. В нем была теплота и веселье. Я... Я скучаю по нему, понимаете?

«Тогда умрешь с честью», - ответил Умелый Оратор.

Это не было угрозой, думаю, тогда он уже понял, что перетянул меня. Оратор произнес эти слова с огоньком в глазах, словно мы шутили вместе.

Смерть или жизнь. Тут ведь не существует выбора, верно? Только не для тех, кто в своем уме.

«Где подписаться?» – спросил я, и он рассмеялся. Со временем мне начал доставлять удовольствие этот звук. Умелый Оратор, он любил жизнь.

Лежа на носилках, которые держали фио'ла, я заметил, что меня несут прямо напротив шеренги раненых, испуганных людей, на глазах у которых один из их офицеров только что перекинулся за пару бинтов. Это всё и решило. Пока меня укладывали в транспортник, Умелый Оратор уже читал лекцию бойцам. Не думаю, что кто-нибудь из них сказал «нет»; вы совсем не дураки, должен признать.

Меня переправили на Дал'ит вместе с кучей других парней со Швартовки. Я не жалуясь, без промывки мозгов никуда. Поступайте, как вам угодно.

Провел там, на Дал'ите, пять последующих месяцев... половину тау'кира, пока выздоравливал. Был выбран для совместной работы с кастой воды в программе первичного обучения, направленной на новых граждан содружества. Их привозили со всего Дамоклова залива, и я видел там гуэ'ла из Бухты Му'гулат. Бледные, полуголодные, постоянно в ужасе. Наблюдать за тем, как исчезает их страх – самая замечательная вещь в жизни. Наблюдать, как растёт их восхищение – вторая самая замечательная вещь в жизни. Мне казалось, что Швартовка Гормена – куча мусора, но в сравнении с ульями Агреллана моя родина была вполне ничего, а Дал'ит казался раем.

Вы дали нам выбор, но никакого выбора в реальности не было – в смысле, настоящего. Я знаю это.

Вспоминаю, как не стало Хинкса, которого застрелил тот боров возле улья Хаирон. Несколько дней тому назад я ходил повидать его вдову. Сейчас она живет в миленьком доме, получает хорошую поддержку от властей септа. Дети Хинкса вырастут в образцовых гражданах. Мальчик сказал, что хочет стать ауксиларием гуэ'веса, как дядя Джатен. Здоровый он паренек, высокий и сильный. Постоянно думаю, как бы ему жилось на Швартовке Гормена; наверное, уже наполовину бы ослеп, вкалывая на шелковых плантациях. Или умер. А здесь, посмотрите-ка – сыт, ухожен, крепок, словно теленок амбуля. Просто замечательно.

Всё ещё пытаюсь понять, в чем же подвох.

Глава вторая

Когда я думаю о тех последних днях с Оратором, постоянно вспоминаю «Каракатицу», в которой мы выдвигались к Хаирону. Все имперские транспортники тесные и грязные. Как правило, там воняет и всегда жарко. Они как будто изначально не предназначены для перевозки людей. «Каракатица» – совсем другое дело, но разницы вам не уловить, пока не прокатитесь в «Химере». Надеюсь, что вам не придется, для вашего же собственного блага – вряд ли вас отвезут в какое-нибудь приятное место. Империиум обращается с чужаками намного хуже, чем тау.

Тогда мы были на Агреллане – Бухте Му'гулат, до того, как она стала Бухтой Му'гулат. Меня уже пять месяцев как прикрепили к дипломатическому корпусу, и прошло двадцать месяцев с того дня, как я принял щедрое предложение поучаствовать в строительстве Высшего Блага. Повидал за это время кучу вещей, которых до этого и представить себе не мог; большинство из них оказались хорошими, но не все. Никогда не забуду, как полковник Борот из сил планетарной обороны Оссунна выстроил свою армию для сражения – а затем, под звуки марша, приказал всем бросить оружие. Он не потерял ни единого бойца.

Но я также никогда не забуду высадку охотничьих кадров на Телион IV, после того, как они ответили

«нет». Всех тамошних мертвецов...

На первый взгляд *тау'ва* показалось мне... Хорошей вещью. Это хорошая штука. Не только в гражданских, но и в военных вопросах. Никаких больше капризных бэушных лазганов. Нам выдают импульсные карабины, чертовски отличное оружие, а броня! Эти доспехи действительно могут спасти от ранения, если повезет. А средства связи? Нашему вокс-оборудованию, думаю, позавидуют и космодесантники. Такие игрушечки очень соблазнительны для многих людей; кое-кто из моего отделения перекинулся именно потому, что жаждал испробовать технику тау. Или потому, что боялся её.

Мы были странной маленькой компанией. Хинкс, которому оставалось жить несколько часов, родился на Швартовке Гормена, как и я. Из Голиафа нам так и не удалось вытянуть его настоящее имя, но по размерам он вполне соответствовал выбранному прозвищу, и остальных это устраивало. Если верить слухам, бывший пират. Хольон Спар, который клялся, что удрал из богатой семьи вольных торговцев, но врал настолько часто, что мы не верили в это. Хелена, с какого-то неизвестного мне агромира, комка гряди, завоеванного чуть ли не по ошибке.

И, наконец, Отельяр. Он рассказывал, что родился на планете, никогда не входившей в состав Империи. Однажды в небе появились флоты Повелителя Человечества, его сограждане сказали, что их не интересует свет Императора и прочее, и для их мира всё было кончено. Отельяр ненавидел Империю – я хочу сказать, реально, по-настоящему ненавидел. Прежде мне случалось видеть фанатиков; речь не о том, как тау почитают аунов, это, мне кажется, инстинктивное поведение. Речь о фанатизме по собственному выбору. Ведь, если имеется хоть что-то, в чем люди превосходят вас – по крайней мере, в большинстве случаев – так это выбор. Безумные священники, неспасаемые офицеры, чиновники, слепо исполняющие приказы... Все они выбирают такую судьбу, и один Император знает, в чем причина. Но ненависть Отельяра к Империи... ну, это было нечто совершенно иное. Она пугала меня. Боец слишком далеко заходил в своей ярости. Становился неустойчивым. Несколько раз я докладывал об этом начальству, но от меня вежливо отмахивались со словами: «каждое разумное существо должно получить шанс проявить себя» и «всё мы трудимся ради Высшего Блага по мере собственных возможностей». Сейчас-то я чувствую себя придурком.

Итак, вот и мы – отряд прикрытия Умелого Оратора. Как мне четко объяснили, для сопровождения водной касты на встречи с людьми назначают людей, чтобы показать – «вам нечего бояться в тау'ва». С нами был Крикс, так мы его звали, пытаюсь выговорить настоящее имя. Воин крутов, телохранитель дипломата. Да, я знаю, что он должен был в равной мере защищать Оратора и от врагов, и от нас. Включая нас в сопровождение, вы идете на осознанный риск. «Что удержит их от побега в глубине вражеской территории?» – такие вот рассуждения. Если бы вы жили на имперской планете, то поняли бы, что мы никогда не вернемся домой.

Кроме того, с нами сидел фиор'ла Борк'ан Буэ'лай, он же Бу. Демонстратор технологий, который показывал местным всякие блестящие штучки, поражал их превосходством цивилизации тау. Иногда с нами отправлялся ещё кто-нибудь, иногда нет. Всё зависело от характера миссии. То задание было опасным, поэтому дармоеды из стандартного набора отсутствовали; остался только необходимый минимум, дипломат со свитой. Про себя я думал, что шансы на успех невысоки, но Оратор всё время улыбался и вежливо болтал с нами – обращаясь к каждому на родном для него диалекте готика, разумеется.

Он никогда ничего не боялся. Помню, однажды спросил Умелого Оратора, испытывал ли он когда-нибудь страх. Дипломат сморщил нос и издал этот булькающий звук, который у вас считается смехом.

- Дж'тен, - он всегда использовал таутянский вариант моего имени, хотя мог идеально произнести человеческий. Постоянно упирал на это, кроме, ну... одного случая. - Чего здесь бояться? Мы пришли сюда, руководствуясь нуждами общества. Если мне предстоит умереть, то это послужит Высшему Благу. Возможность продвинуть наше славное дело - единственное, чего я прошу от жизни.

Я посмотрел на него с сомнением. Обхватив меня за плечи толстыми пальцами, Оратор уставился мне в глаза, а его лицо исказилось в преувеличенно человеческом беспокойстве. Долго я так не выдержал и отвел взгляд. У тау ведь такие большие и темные глаза, и мне стало страшно, что потом отвернуться уже не удастся. Иногда... иногда мне кажется, что я вижу в них звезды. Звучит глупо, но это так.

- Ты ещё не до конца понимаешь меня, друг Дж'тен, это очевидно. Тобой по-прежнему руководят личные интересы. Только забыв о преследовании собственных целей, преодолев жажду удовлетворения собственных желаний, можно по-настоящему раскрыть огромный внутренний потенциал...

- Единение с государством через служение государству, ради Высшего Блага. Тау'ва, - закончил я за него.

Улыбнувшись, Оратор снова рассмеялся и с немного излишним рвением потряс меня за плечи. В дипломате всегда было что-то мальчишеское, наверное, этим он мне и нравился.

- Вот видишь! Ты знаешь это. Ты знаешь это, друг Дж'тен! Но истинное удовлетворение ты ощутишь, только *поверив* в это.

- Не думаю, что смогу когда-нибудь целиком понять Высшее Благо. Прости меня, - тогда я внимательно следил за словами. Наша дружба ещё только росла, и росла медленно. Умелый Оратор был моим начальником, 'элем, а я - всего лишь 'ла. Так никогда и не смог избавиться от этой мысли. Даже став гуэ'веса'элем, оказавшись в том же звании, что и он, я по-прежнему испытывал то же самое. Первый среди равных, и всё такое, но тау всегда оказываются равнее. Мне не удастся побороть ощущение, что я служу завоевателям.

Прижав кончик языка зубами, Оратор издал шипящий звук. Это стало для меня первым признаком углубляющейся дружбы: дипломат перестал изображать чисто человеческую мимику и повел себя, пусть на мгновение, как настоящий тау.

- Не беспокойся. Твои дети поймут, и это всё, чего мы просим от тебя. Да, и ещё твоей верности.

- Клянусь, что верен вам, пор'эль Умелый Оратор, - ответил я. Как минимум потому, что в случае возвращения в Империум меня бы расстреляли.

Знаете, вспомнив эти слова сейчас, я призадумался над ними. Мне хотелось бы когда-нибудь завести ребятшек. Никогда не думал, что пожелаю такого, но тау'ва - намного лучшее место для них, чем Империум, и отсюда возникает тяга к семейной жизни. А дальше мне вот что приходит в голову: однажды Оратор упомянул, что межкастовое размножение запрещено. Интересно, как скоро это же правило будет применено к людям, как скоро нашу породу начнут улучшать, будто мы гроксы - или тау?

Вы просили меня говорить искренне. Как мне заявляли, человеческая культура неприкосновенна. Сошедшиеся пары, семейные ячейки, свобода при выборе партнеров, все дела. Я вижу, что вы держите слово. Но потом вспоминаю о сыне Хинкса, накачанном Высшим Благом, и думаю - как близко к сердцу

он или его будущие дети примут ваши идеалы? Вам не придется их сильно подталкивать, ведь мы, люди, легко впитываем чужую культуру. Порой, глубокой ночью, я спрашиваю себя – сколь многого вы на самом деле хотите от нас?

Тот разговор состоялся за несколько месяцев до задания на Агреллане. Когда «Каракатица» неслась над верхушками окаменевших лесов этой планеты, я уже был 'вре, и мы с Умелым Оратором хорошо знали друг друга. Посольство направлялось в улей Хаирон; все двенадцать городов Агреллана удостоились скромного визита касты воды. Сложите оружие, примите Высшее Благо, вам не причинят вреда, траливали. Нам достался Хаирон – до смертельного удара о'Шасерры оставалось несколько дней, но все получили последний шанс на капитуляцию. По таким уж правилам вы играете.

Итак, «Каракатица». Такая тихая, что в ней можно разговаривать. Мурлычат моторы. Нам прохладно и удобно внутри. Чудесная технология; Бу, пока его не перевели куда-то, многое рассказывал о том, как она работает. По крайней мере, о том, что я мог понять. Мне пришлось непросто, я же до сих пор наполовину верю в духов машин. Конечно, теперь-то понимаю, что всё это бредятина, но сложно отделаться от суеверий. Эта проблема возникнет у вас со многими людьми. Как мне заявляли, наша культура иррациональна, но я считаю – не всё из того, во что мы верим, так уж неразумно. Вот что вам скажу: Агреллан, то есть Бухта Му'гулат, нехорошая планета. Там случилось нечто... нечто действительно скверное. Все мы, гуэ'веса, ощущали это, словно упавшую на нас тень. В некоторых местах мне казалось, что её можно потрогать – существа в лесах, сами деревья... Это неестественный мир, по крайней мере, не целиком реальный. Слышал, что наги вообще не могут спуститься на Агреллан. Но тау? Вы не обращаете никакого внимания на такие вещи. Так что не надо вдавливать мне в голову эту тему с иррациональным. В Бухте Му'гулат что-то есть, я твердо уверен, хотя никто из вас никогда *этого* не поймет.

Осматривая свою команду в транспортнике, я испытал мрачное предчувствие, ощущение чего-то неправильного, наверное. На всех были шлемы, каждый проверял оружие, всё шло как обычно. У нас едва ли имелось нечто общее. Разные наречия, разные родные миры – не считая меня и Хинкса, конечно. Даже внешность разная: рост, цвет кожи, глаз, волос. Как я говорил, человеческая раса многообразна, но наш отряд внутри «Каракатицы» выглядел воплощенной мечтой, образчиком для биолога фио'ла.

Думал я в тот момент о *та'лиссера*. Да-да, та'лиссера, Оратор мне все уши прожужжал об этом ритуале. Но что могло бы связать отряд воедино? Я сказал дипломату, что мы слишком разные. Пришли со слишком разных миров, из слишком разных кошмаров.

Я всё повторял это Умелому Оратору, а он всё просил меня подумать тщательнее. О та'лиссере, в смысле. Казалось, для дипломата важно, чтобы мы побратались, хотя шас'ар'тол четко объяснили нам, что связующий ритуал – любой связующий ритуал – станет возможным, только если *мы* этого захотим. Они ясно дали понять, что культура людей и культура тау – разные вещи. Мы могли перенимать, что пожелаем, и отбрасывать остальное, за исключением, разумеется, тау'ва.

– Но ведь поэтому, друг Дж'тен, и был подобран такой отряд, именно из-за различий бойцов, – как-то сказал мне Оратор, когда мы находились на Кор'шутто по дороге на фронт. Дамоклов залив надежно укрепили после героической обороны Дал'ита, так что орбитальный город был прежде всего защитным

сооружением, но в нем имелся бар. Мы сидели там, и мне наливали нечто, вполне сходящее за человеческий эль. Дипломат заказывал сывороточный напиток, от которого всегда немного пьянел и становился болтливым, даже больше обычного. – Неужели ты думаешь, что все эти люди случайно оказались под твоим началом? Ты же их гуэ’вре. Представь, с какими проблемами сталкиваются наши эфирные! Множество чужих рас, некоторые ещё и с множеством культур внутри себя, множество септов тау.

Умелый Оратор сложил руки перед собой.

– Видишь, нет? Каждый мой палец отделен от других, но все они работают на благо единого организма – меня. А я...

– Ты работаешь на тау’ва.

Дипломат шутливо отсалютовал мне стаканом. Сырный запах напитка когда-то вызывал у меня рвотные позывы, но я привык к нему, как и ко многому другому.

– Я уверен, тебя ждет большое будущее, гуэ’вре. Отряд – одно из испытаний, стоящих перед тобой. Ты обязан придать форму своему ла’руа, объединить бойцов. Да, каждый из них уникален, но пусть и остается таким! При этом их уникальность должна послужить общему делу.

– Чтобы вместе мы могли лучше послужить тау’ва.

– Ты всё понял! – сперва улыбнулся Оратор, но затем до конца разобрался в моем тоне и выражении лица. Он был экспертом в человеческих делах, но порой до него медленно доходило. Например, сарказм оставался для дипломата крепким орешком – вы же все такие чертовски прямодушные. Даже *пор* никогда не сумеют полностью понять расы, мимику которых так хорошо воспроизводят. Это их самая главная слабость.

– К чему этот... этот, этот... – Умелый Оратор забарабанил тремя крупными пальцами по столу. У тау нет понятия «цинизм», и я подсказал нужное слово.

– Цинизм! Конечно же, – он обрадовался и тут же снова рассердился. – Тау’ва существует не ради тау’ва! Вот чего ты не понимаешь. Тау’ва на благо мне, тау’ва на благо тебе, – Оратор показал на меня пальцем.

– Высшее Благо для тебя, меня, *фио*, который подает здесь напитки, никассаров, траксийцев, крутов... Называй кого захочешь. Все, кто принимают его – служат ему, и оно служит всем, кто служит ему, понял?

Дипломат выглядел довольным собой, как это часто бывало после его маленьких лекций. Пиво ударило мне в голову.

– Разрешите говорить прямо, пор’эль?

– Да, да! Разумеется, конечно, друг Дж’тен! Ты всегда должен говорить, что у тебя на уме. А иначе, как мы сможем достойно работать вместе?

– Ты понимаешь, что обращаешься ко мне свысока?

Умелый Оратор хорошо понимал, что значит «свысока», и оскорбился.

– Я не специально.

- Всё в порядке, - я заказал ещё выпивку. Мы засиделись допоздна, через один *к'ун'кир* в баре должны были погасить свет и отправить нас по койкам. - Но поэтому ты так жаждешь, чтобы я заставил свою команду побрататься.

Покачивая головой, Оратор обнажил крупные зубы. Мне они всегда напоминали зубы какого-то травоядного животного.

- Нет, нет, нет, Дж'тен! Не заставить. Просто сделать. Или не делать. На твой выбор, но я уверен, что, если вы все пройдете та'лисера, это вам только поможет...

- Влиться в коллектив?

- Ты невыносим, - затем дипломат что-то пробормотал себе под нос и утомленно повел плечами. В мелодичном, гортанном потоке слов тау'но'пора я уловил «фу'лласо».

- «Мозги в кучу»? - расхохотался я. - Только не говори, что мне наконец-то удалось тебя достать.

- Ого! Твой тау'но'пор всё лучше, - отозвался Умелый Оратор. - Ты пример для остальных, Дж'тен! Готов принять нашу культуру гораздо полнее, чем многие другие. Для всех нас будет полезно более тщательно разъяснить тебе наше видение мира. И это пойдет на пользу тебе, ведь наш путь, как-никак, самый лучший.

Возражать мне не хотелось, и мы сколько-то просидели в тишине. Потом раздался звуковой сигнал - заканчивалась третья смена. Каста воздуха выделила её нашей группе для активного времяпрепровождения, и ожидалось, что вскоре мы отправимся спать. Тем временем, другая группа уже просыпалась, начинала свой «день». На космических станциях касты воздуха нет свободного пространства.

- Ну как, ты решился? - спросил наконец Оратор.

- На что? - я изобразил непонимание, но дипломат не собирался отступить.

- Провести та'лисера. Наверняка в вашей культуре должно быть нечто приемлемое, что сгодится как ритуал. Принесение клятвы, или торжественный обряд.

Да, было такое, но я не согласился. Сейчас не понимаю, почему так долго откладывал та'лисера. Просто из упрямства? Не хотел полностью вливаться в культуру тау? Чуть излишне цеплялся за прежнюю индивидуальность? Не знаю.

- Нет, - ответил я. - Не решился.

- О чем задумался, босс? - внезапно вернул меня в «Каракатицу» Голиаф, задав вопрос на готике с грудным акцентом. Импульсный карабин в его руках выглядел до смешного маленьким. Хотя каста воды снабжала нас оружием, специально сконструированным под человеческую физиологию, с бывшим пиратом они уткнулись в потолок возможных размеров.

- Ни о чем. Вообще ни о чем, - ответил я и сверился с хронометром. - Собрались, ребята! Пять минут до выхода.

Поймав взгляд Умелого Оратора, я увидел, что он улыбается. Дипломат знал, что у меня на уме, можете

не сомневаться.

Глава третья

Отчет наги'о Жоаууллиалло, синаптического арбитра третьего уровня синхронного коллектива наги № 45978, о результатах допроса с прямым внедрением в черепную коробку. Субъект: гуэ'рон'ша полуавтономного имперского уаш'о «Гвардия Ворона», шестая тию'вре, третий кау'уи.

[Дополнительное примечание: нам хорошо известна природа «космических десантников», но мы, синхронный коллектив наги № 45978, всё равно были поражены стойкостью данного субъекта к препарированию сознания. Нами установлено, что одной из причин этого является латентная способность взаимодействовать с многоуровневыми реальностями иных измерений, которой обладают все гуэ'ла, в большем или меньшем объеме. Однако же, главнейшим фактором выступает глубокая психологическая обработка субъекта. Для разрушения ментальных блоков допрашиваемого потребовалось подключение двух вспомогательных коллективов. Несмотря на наше абсолютное интеллектуальное превосходство, субъект оказывал сопротивление до самого конца, что привело к гибели либо необратимому разобщению всех членов одного из вспомогательных коллективов (да обретут они совершенное единение за мембранами активной жизни). В данный отчет включены многочисленные артефакты памяти допрашиваемого, но нам также удалось извлечь значительный объем аудиовизуальной информации касательно тактики и организации имперских гуэ'ла. Главным сюрпризом для касты воды и экспертов н'деми по вопросам разума оказалась серьезнейшая разобщенность людей. Мы, наги, скромно замечаем, что это вдохновляющая новость, поскольку такая дряхлая и разделенная на фракции империя, несмотря на её размеры, окажется не в силах сдержать продвижение славного тау'ва в критической фазе Третьей сферы расширения.]

Я - брат-сержант Герек Корникс из Гвардии Ворона. Я - брат-сержант Герек Корникс из Гвардии Ворона. Я...

Я на борту «Крыльев Освобождения». Я иду на встречу с магистром ордена, Корвином Севераксом, моим вождем и господином. Я готов исполнить любой его приказ. Я на борту...

Я не на борту «Крыльев Освобождения». Это обман. Убирайтесь из моей головы! Прочь, прочь! Я - брат-сержант Герек Корникс из Гвардии Ворона, и вам не сломить мою волю!

[На данном этапе было приумножено воздействие на субъекта. Применено большее количество усиливающих устройств касты земли. Прежде чем мы сумели пробиться во внутреннее пространство памяти допрашиваемого, несколько из них перегорели, что привело к гибели половины второго вспомогательного коллектива.]

Я... я на борту «Крыльев Освобождения». Мы на орбите планеты-улья Агреллан, главного мира системы Довар, которая удалена от священных земель Терры, но стратегически важна, поскольку прикрывает Доварскую Брешь в Дамокловом заливе. На неё позарились ксеносы, и их дерзость не останется безнаказанной. Мы, Гвардейцы Ворона, пришли сюда, чтобы осуществить наказание, какое сочтем необходимым. Боевая баржа грохочет от постоянных бортовых залпов и попаданий. Вражеские снаряды

нередко пробивают наши пустотные щиты, но столь огромны «Крылья Освобождения», что спокойно продолжают полет.

Я – Герек Корникс, и иду на встречу с моим господином. Гвардия Ворона только что прибыла в систему, и меня первым вызвали к нему. Это большая честь.

На мне мой доспех, и это правильно. Броня траурного цвета, украшенная белыми геральдическими знаками ордена. Её недавно перекрасили, нанесли знаки, указывающие на мой чин и свершения, и отполировали до блеска. Мы на войне, и должны находиться в постоянной готовности. Теневые капитаны говорят, что враг, с которым Гвардия Ворона сражается здесь, обладает редким для ксеносов благородством, и, скорее всего, вступит с нами в честные переговоры, прежде чем напасть. Но в нашем обычае действовать в полном согласии с «Кодексом Астартеc», и мы всегда остаемся наготове.

Необходимо преодолеть огромный продольный коридор на верхней палубе «Крыльев Освобождения». Взрывозащитные панели опущены, но, двигаясь на транспортной платформе к командному комплексу, через открытый наблюдательный купол я замечаю внизу Агреллан. Это нечистый мир, запятнанный давно минувшей войной; его атмосфера ядовита для человеческих существ, его леса полны мутировавших диких созданий. Мне объяснили, что виной тому остаточное воздействие вирусной бомбардировки и нечто более мрачное. Вокруг планеты вспыхивают огоньки орудий – наши передовые корабли сражаются с блокирующим флотом тау. Гвардия Ворона застала чужаков врасплох, и сейчас первая волна подкреплений спешит нам на помощь из-за пределов системы. Но ксеносы многочисленны, и пусть нам по силам сдерживать врага, с первого взгляда понятно, что бесконечно так продолжаться не может. Поэтому я задаюсь вопросом о нашей дальнейшей стратегии и горжусь, что первым среди братьев в точности узнаю замысел лорда Северакса.

Я подхожу к опорному модулю, поддерживающему командный комплекс, и почетная гвардия магистра ордена пропускает меня внутрь. Атриум огромен и приятен глазу, статуи героев Гвардии Ворона стоят в полумраке, излучая торжественное спокойствие. Их имена – тайна, известная лишь тем, кому надлежит её знать. Так и должно быть, ибо наши войны ведутся в тених.

Сервиторы провожают меня к одному из пышных лифтов. Двери, с великим искусством украшенные нашими сервами-умельцами, выложены мозаикой из агатов и блестящих углей; она изображает крупного ворона с опущенной головой и крыльями, сложенными на груди. Мои сердца бьются все быстрее, пока я приближаюсь к нашему господину. Немногих приглашают на встречу с лордом Севераксом, но мне, Гереку Корниксу, выпала такая честь. Какой бы ни оказалась причина, я мысленно клянусь показать себя достойным поставленной задачи. Я не опозорю себя.

Проходит несколько долгих минут, пока лифт поднимается внутри главной опоры командного комплекса. «Крылья Освобождения» – самый могучий из наших кораблей, боевая баржа из древней старины. Её величие принижает меня.

Наверху ждут члены Теневого конклава, наиболее доверенные слуги нашего господина. Они молча ведут меня по тихим коридорам, мы проходим мимо огромных дверей на главный мостик и поднимаемся по витой лестнице. Провожатые указывают мне путь в помещение для личных аудиенций моего повелителя.

Комната, сложенная из темных камней и зачерненного железа, велика размером, но само присутствие лорда Северакса ощущается везде, от тенистых углов до сумрачных бойниц.

Наш господин восседает на мрачном троне из оникса, черного халцедона. Тонкие полоски белизны в

сочетании с ярко выделяющейся резьбой отвлекают взгляд. Лицо повелителя почти скрыто во тьме, и всё же я смотрю на него! Корвин Северакс – живой памятник нашему потерянному примарху. Он истинный сын Коракса: его кожа бледна, словно мрамор, а волосы черны, подобно агатам, и так же черны пронзительные глаза. У лорда Северакса орлиный нос – эта черта присутствует у всех братьев, но у повелителя она выражена идеально, в то время как у других отдает незавершенностью. Четыре столетия войны выбили из него несовершенство, как кузнец выбивает несовершенство из клинка на наковальне. Он – образец для всех нас. Он – Ворон.

Также присутствует теневой капитан Сорокопут. Это удивительно, поскольку он был поглощен войной на поверхности, оказанием помощи нашим осажденным братьям из ордена Белых Шрамов. Кроме того, здесь находится магос Адептус Механикус, красные одеяния которого вышиты символами секты биологис. Рядом с ним стоит инквизитор; я не знаю имени этого человека и никогда не видел его прежде. Ничего странного, их повадки даже более таинственны, чем наши. Инквизитор стар по меркам лишенных дара, но в его осанке сквозит сила. Он держит руку на силовой рапире с чашевидным эфесом, его серовато-белая одежда – единственное светлое пятно в сумраке покоев. Каркают и жужжат кибернетические псевдвороны, хлопая крыльями у нас над головами. Остальной зал, на широком полу и в галереях которого может уместиться половина ордена, совершенно пуст.

- Мы приветствуем тебя, брат-сержант Корникс, – говорит Сорокопут, пока Северакс в молчании смотрит на меня непроницаемыми черными глазами, напоминающими монеты.

Когда я опускаюсь на одно колено, металлический доспех лязгает о гранитную плиту.

- Для меня честь быть приглашенным на встречу с нашим господином Корвином Севераксом, – произношу я, склонив голову.

- Поднимись, брат-сержант, время не терпит, – отзывается теневой капитан.

Я повинуюсь... я...

Я не на борту «Крыльев Освобождения»! Я...

[В воспоминаниях мелькает грязная комнатка посреди железного города. Лицо матери. Скорбь отца. Постоянный шум механизмов. Плач детей. Крошечные уголки, отделенные грязной тканью. Опасность повсюду, в воздухе стоит смрад плавильни и резкий химический запах. Юный гуэ'ла бежит по темным улицам, его ноги быстры, глаза неотрывно следят за темным кружком луны, взирающей на этот мир...

Применено дополнительное воздействие. Видение из прошлого субъекта отступает. Поистине, их миры отвратительны.]

Я выпрямляюсь, и глаза Северакса поблескивают – он наблюдает за мной, неподвижно сидя на троне.

- У нашего господина есть для тебя чрезвычайно деликатное задание. Прямо сейчас собирается военный совет, но сначала мы переговорим с тобой, брат, поскольку тебе выпала наиважнейшая роль.

В воздухе появляется голокарта, на которой отражено положение вдоль всей линии фронта в Дамокловом заливе. Некоторые звездные системы мигают красными значками инфографики,

символизирующими подразделения тау. Гораздо больше зловещих пурпурных меток, они обозначают великое множество миров, поверивших ложным обещаниям ксеносов.

Грустно видеть, что столько планет отвернулось от света Императора. Мы вернем каждую, и впоследствии Инквизиция покарает их обитателей за содеянное. Мне жаль этих людей. Неужели они ничего не понимают? Да, эта область космоса удалена от Терры и нечасто получает помощь Верховных лордов, но она критически важна. Долг местных жителей - держаться любой ценой, и цена за невыполнение долга окажется для них очень высокой. Любая трещинка в фундаменте Империи грозит обернуться разломом. Подобного нельзя допустить, и каждый гражданин обязан вносить свой вклад.

Взглянув на магистра ордена, Сорокопут получает в ответ легкий кивок.

- Брат-сержант, лорд Северакс решил, что этот мир потерян, как и вся система Довар. Внешние планеты уже пали, и Агреллан не выстоит перед надвигающейся атакой. Из анализа вражеской доктрины следует, что обычно тау огибают подобные системы и возвращаются позже, перерезав линии снабжения. Такой густонаселенный мир, как Агреллан, не выдержал бы осады, здесь начался бы голод. Однако же, сейчас у чужаков нет времени, и им необходимо захватить Довар. Война подобного рода не по вкусу тау, - теновой капитан впивается в меня темными глазами. - Их методы такие же, как у нас, брат-сержант: молниеносный удар, тотальное превосходство сил в уязвимых точках. Эти ксеносы стараются избегать затяжных наземных кампаний, которые больше подходят Империи. Но эта система нужна тау как плацдарм, и они пойдут на всё, что угодно, лишь бы покорить её. Чужаки уже значительно превосходят нас числом, и к ним ещё придут подкрепления.

Увеличив масштаб, Сорокопут показывает нам отдельную систему, густонаселенное скопление миров и просвет в газовых облаках - Доварскую Брешь.

- Довар находится в окружении туманностей, которые затрудняют продвижение кораблей тау. Это крепостные ворота в стенах Дамоклова залива, но мы должны оставить их, - говорит он. - Так решил лорд Северакс.

- Понимаю, брат теновой капитан.

- Мы выберем поле битвы, не они. У нас и так слишком большие потери в боях за Агреллан. Здесь тау ближе к дому, чем мы, но их цивилизации, скорее всего, придется напрячь все силы для захвата Дамоклова залива. Пусть империя чужаков невелика, но они энергичны и уверены в себе, поэтому, проиграв тут, мы утратим весь субсектор. За время, что уйдет на сбор нового крестового похода, ксеносы укрепятся и подготовятся к встрече, поэтому нам нужно покинуть эту систему и увлечь врага за собой. В другом месте мы сокрушим наступление тау, истребим их главные силы в сражении, которое пройдет по нашим правилам, а затем вернем Императору Человечества его законные владения.

- Мой господин... - я изумлен, что со мной делаются подобной информацией.

- Я рассказываю тебе об этом, брат-сержант, поскольку лорд Северакс желает, чтобы ты отправился на поверхность. Возьми свое отделение. Твоя цель - захватить одного из чужаков и доставить его инквизитору Галлию и верховному магосу биологии Тулку, присутствующим здесь.

- Вы хотите, чтобы я поймал кого-то из их касты вождей? Я... Считайте приказ выполненным, теновой капитан! Мне...

Лорд Северакс решает заговорить. Когда магистр ордена наклоняется вперед, обхватив руками в латных перчатках резные подлокотники трона, я полностью различаю его лицо. Кожа повелителя бела, словно

снег, его волосы чернее полуночи.

- Ты слишком высоко метишь, - укоряет он. Голос лорда Северакса чуть громче шепота, но его замечание больно ранит меня. Склонив голову, я впитываю каждое слово магистра ордена. - Захват эфирных практически невозможен. Все предыдущие попытки заканчивались неудачей и приводили к тяжелым потерям. Ксеносы будут сражаться до последнего, чтобы защитить их. Задачу, упомянутую тобой, мы отложим до другого случая. Нет, твоя цель - один из дипломатов тау. Ты схватишь его, доставишь сюда, и мы узнаем, откуда у чужаков талант к убеждению.

С этим он вновь умолкает.

- Нам хватает сил, чтобы выиграть эту войну, но трудами своих дипломатов ксеносы отнимают у нас намного больше миров, чем захватывают в боях, - продолжает Сорокопут. - Подкреплений в обозримом будущем ждать не стоит, и нельзя оставаться на одном месте, пока переговорщики тау убеждают новые миры отринуть свет Императора. Захвати одного из них, пока внимание чужаков ослаблено. Мы эвакуируемся, но ты остаешься на Агреллане; это великая честь.

- Мы считаем, что они, несомненно, оказывают некое психическое либо химическое воздействие на людей, с которыми общаются. Как ещё объяснить такое количество сдавшихся планет? - вмешивается биологик, хрипя искусственными легкими.

- Им нужен живой подопытный, - добавляет Галлий. - Его нужно доставить целым, понимаете, сержант?

- Чтобы подтвердить наши гипотезы, - перебивает магос. Он выказывает недостаточно уважения нашему господину, не оборачивается к нему, прежде чем заговорить, и это возмущает меня. Инквизитор - другое дело, он почтителен, смотрит на лорда Северакса перед тем, как открыть рот. По лицу Галлия заметно его беспокойство: на долю Инквизиции выпадает тяжелую ношу знаний и ответственности. В сравнении с моим долгом - сражаться и умирать - их бремя поистине изнурительно.

- На случай вашего провала, - говорит инквизитор, - у нас имеются запасные варианты.

- Провала не будет, - отвечаю я.

- «Мощь - не всегда острейшее оружие», - Галлий медленно обходит меня по кругу, оглядывая сверху донизу. - Такова истина, которую воплощает ваш орден. У нас есть агент, предатель среди предателей. Ему имплантировано устройство слежения, спрятанное так глубоко, что даже тау не в силах отыскать.

- Это хорошо. Он доставит нам дипломата?

- Возможно, - произносит инквизитор, - если это окажется целесообразным. У него свои приказы, у вас - свои, соединим же их для достижения наилучшего исхода. Дипломат, которого охраняет агент, представляет для нас особенный интерес.

- Подойдет любой, - снова перебивает Тулк.

Галлий внимательно смотрит на биологика.

- Но этот представляет для нас особенный интерес, - затем он снова поворачивается ко мне. - Если прямая атака не увенчается успехом...

- Если добыча спряталась в нору, выкури её оттуда.

- И спусти гончую загнать её, - заканчивает инквизитор. Он понимает методы ордена.

Наш разговор нравится моему господину Севераксу. На его почти неподвижном лице мелькает одобрительное выражение, которого не заметил бы никто, кроме братьев из Гвардии Ворона.

- Из надежного источника мне известно, что ты становишься экспертом в наших методах войны, брат-сержант, - произносит магистр ордена. - Ты был избран благодаря личной рекомендации теневого капитана Сорокопута.

При этих словах мои сердца переполняются гордостью.

- Служу по мере сил, господин, - говорю я.

- Тогда послужи как следует, и доставь нам этого глашатая войны, что отравляет умы праведных людей и обращает их против законной власти Повелителя Человечества. Таков твой долг. Теперь иди и готовься.

Я повинуюсь, и без промедления. Позже мы обсудим дальнейшие действия с инквизитором Галлием и спланируем ловушку.

Глава четвертая

В общем, встреча проходила в десятке километров от стен улья Хаирон. Имперцы соорудили временную посадочную площадку, очистив участок этого жуткого леса. Деревья вырубали в радиусе трехсот метров, не меньше, красную почву как следует разгребли тяжелым экскаватором. Пилот опустил «Каракатицу» через лесной полог в темноту, и я ничего не видел снаружи, но чувствовал, как тень смыкается надо мной. Там ощущалось реальное присутствие какой-то угрозы, от которой у меня волосы на загривке вставали дыбом. На тау это никак не отразилось, но я заметил, что у Крикса шевелились перья. У крутов непроницаемые лица, большую часть их занимают рты, скорее похожие на клювы, чем на что-то ещё. Кожа у них тонкая, мышцы под ней слабо выражены. Нам, гуэ'веса, тау из касты земли кажутся невыразительными, но круты для нас вообще закрыты. Такое впечатление, что их лица высечены из камня. Но, несмотря на это, я уверен, что Крикс тоже ощутил неправильность Бухты Му'гулат.

«Каракатица» коснулась грунта так мягко, что мы не догадывались о приземлении, пока кор'ла Д'ианой Йель'фир - сидевший в носу пилот касты воздуха - не перещелкнул посадочные огни с янтарного на зеленый.

- Ну, ладно, - произнес Умелый Оратор, дважды похлопав себя по коленям и поправив одеяния, прежде чем подняться. - Мы прибыли, до цели пара шагов. Посмотрим, удастся ли спасти здесь несколько жизней. Гуэ'веса'вре, будьте любезны приступить.

Я скомандовал отряду доложить о готовности. Все были готовы. В этом меня больше убедили не их «подтверждаю» и «так точно, сэр», а атмосфера внимательной собранности, установившаяся в транспортнике. Они были хорошим ла'руа, и я очень гордился ими. Мы использовали сочетание методик Имперской Гвардии и касты огня, и мне приятно было видеть, что это работает. С такими ребятами за спиной и передовым оружием касты земли в руках я часто чувствовал, что мой отряд способен в одиночку низвергнуть Империум. И у нас была куча причин желать этого.

Разумеется, я ошибался по поводу эффективности и даже сплоченности своей команды. Когда ты всё

тренируешься, и тренируешься, и концентрируешься на чем-то одном, то упускаешь из виду то, что творится у тебя под носом. У нас в готике есть для этого подходящее слово, «гордыня». Тут надо добавить, что я относительно прилично образован для имперца. В нашем обществе не каждый способен вести беседы на таком уровне, как вы, не сомневаюсь, уже заметили при разговорах с другими гуэ'ла.

Концепция *гордыни* восхитила Умелого Оратора. Как оказалось, в современном языке тау нет такого понятия, но однажды он прибежал ко мне с радостным лицом и объявил, что разыскал древний термин времен Монт'ка*, имеющий схожий смысл. Искренне советую вам снова ввести его в обращение.

Задняя рампа беззвучно откинулась. Никакого шипения, внутреннее давление автоматически уравновесилось с внешним. Не думаю, что когда-нибудь сумею воспринимать технологии тау как данность.

Мы вышли, я возглавил отряд, за мной шел Хольон. Возможно, он был лжецом, но в бою мы могли на него положиться. И нам следовало подготовиться к схватке, несмотря на условия, в соответствии с которыми проходила эта встреча. Если бы нас атаковали, это оказалось бы уже не первым нападением на представителей касты воды.

Опушку покрывала жидкая грязь, повсюду вокруг неё лежали неровно обломанные стволы деревьев. На корнях, всё ещё покрытых комками тяжелой красной земли, виднелись светлые шрамы, сочащиеся бледным соком. В центре поляны была уложена пластальная сетка, причем очень неровно. По периметру временной площадки мерцали маячки, из-за которых сложно было что-то рассмотреть в лесу; это заставило меня занервничать.

Деревья на Агреллане хрупкие, легко ломаются. На ощупь их древесина кажется мертвой, кора – склизкой, листья на них черные. Вообще кажется, что деревья охвачены разложением, но при этом каким-то образом живут. Не понимаю, как нечто настолько болезненное сумело разрастись до целого леса. Планета мне не понравилась, и я чрезвычайно счастлив, что не попал в её гарнизон.

Буду весьма благодарен, если вы больше меня туда не пошлете.

Дорога, выложенная такой же сеткой, вела от посадочной площадки к краю склона. Оттуда нам открылся прекрасный обзор на Хаирон – огромный, словно гора, как и все города-ульи. Нижние уровни, наверное, не меньше сотни километров в диаметре. Этажи громоздятся на этажи, забираются всё выше в атмосферу, и верхушка пропадает в желтых облаках.

Мы были довольно далеко от улья, но даже из зоны высадки его стены выглядели огромными. Полдень давно миновал, вечер ещё не наступил, но тени уже удлинились, и та, которую отбрасывал Хаирон, лежала на заколдованном лесу подобно обрывку ночи. Вблизи стены улья показались бы ослепительно-белыми, но солнце, светящее через дымку загрязненного воздуха, окрашивало их в нежно-абрикосовый цвет. На протяжении этого кольца тысячеметровой высоты виднелись бастионы, увенчанные макропушками. Через ворота, расположенные прямо напротив нас, проходила шестнадцатиполосная автострада – карандашная линия на фоне громады улья – но ворота были закрыты и дорога пустовала. Горожане приготовились к войне.

Хаирон выглядел немного нереальным, слишком большим, чтобы его мог целиком воспринять и объять человеческий разум. Как и сам Империмум, пожалуй. В тусклом солнечном свете, поглощаемом дымкой, улей казался декорацией, задним фоном. Иллюзию нарушали только огоньки на закатной стороне и

перемещения летательных аппаратов в районе верхних уровней. Готов поставить свой последний заряд для импульсной винтовки, что посадочную площадку выбрали специально, так, чтобы мы почувствовали себя ничтожными рядом с Хаироном. Это не сработало. До сих пор не могу до конца поверить, какими слепцами бывают мои прежние сограждане; оружие, созданное кастой земли, способно разрушить эти стены за полчаса или даже быстрее. Бу, стоявший позади меня, неодобрительно щелкнул языком. Техник, как и пор'эль, надел дыхательную маску, мы все загерметизировали шлемы. В воздухе было что-то нечистое.

- Как они жить в этих штуках? - произнес Бу на готике. - Небезопасные, антисанитарные есть. Невыносимые. А эта атмосфера!

Показав жестом «кто-то идет», я велел ему замолчать.

Впереди на дороге, прорубленной в лесу, появилась группа встречающих. Нас явился поприветствовать какой-то чиновник, которого сопровождало отделение гвардейцев. Имперец носил тяжелые одеяния, по виду давно нестиранные - если их вообще стирали, там было столько парчи, что первая чистка стала бы и последней. Половину его головы занимали примитивный когитатор и уродливый бионический глаз. Насколько я мог судить, чиновник не принадлежал к Адептус Механикус, но всё равно прошел серьезную модификацию. Возможно, его дыхательная маска была встроена прямо в лицо.

Встречающие подошли к нам, гвардейцы, черты которых скрывались за респираторами, идеально чеканили шаг.

- Я - полномочный посол Каррильон. От имени лорда Грюнкеля из улья Хаирон приветствую вас в духе мира, - заявил чиновник, касаясь висевшей на груди должностной печати. Говорил посол медленно, его громкий голос доносился из-под дыхательного аппарата, пока он подозрительно осматривал меня сверху донизу. Несомненно, Каррильон примечал форму моих ступней, пять пальцев на руках, обтянутых перчатками, высокий рост. Я решил избавить чиновника от мук непонимания. Следуя заведенному порядку, выработавшемуся у нас под началом Умелого Оратора, я повесил карабин на плечо, отстегнул шлем и открыл имперцам свое человеческое лицо. Специально для этого трюка у меня имелся небольшой дополнительный респиратор. Как я уже говорил, всё было тщательно продумано.

Каррильону удалось сдержаться, он только сузил оставшийся глаз. Реакция гвардейцев оказалась более яркой: слышались вздохи изумления и приглушенные ругательства. Уверен, все они слышали истории о предателях, перекинувшихся к чужакам, но пока что в тау'шас'ва немного таких, как мы, поэтому бойцы наверняка считали нас мифом. Подняв руку, посол заставил их умолкнуть.

- Гуэ'веса'вре Джатен Корлинг, вспомогательные силы гуэ'веса, охрана дипломатического корпуса, ла'руа восемь-четыре-четыре-восемь, - представился я, глядя Каррильону в единственный глаз. Если чиновник и собирался что-то ответить, то не успел - на сцену вышел Умелый Оратор. Сопровождаемый Криксом, он спустился по десантной рампе «Каракатицы» и шагнул на это жалкое подобие взлетной площадки.

Дипломат огляделся по сторонам широкими, радостными глазами, словно упивался всем, что видел, словно каждое новое зрелище казалось ему чудесным. Пор'ла, они ведут себя по-детски, по крайней мере, в таких ситуациях. *Выглядит* это по-детски, точнее говоря. Как и всё, что делают сами дипломаты и что они заставляют делать нас, это просчитано заранее, с целью вызвать определенную реакцию.

Отойдя в сторону, я снова надел шлем, а то глаза уже начинали слезиться. Умелый Оратор вышел вперед, мы встали навтыжку, держа карабины вертикально перед собой. Ещё одна заранее

просчитанная показуха, цель которой – продемонстрировать нашу верность. Я не особенно волновался: кор’ла Д’ианой Йель’фир оставался в «Каракатице», сохраняя повышенную боеготовность, а дроны, размещенные в носу БТР, всегда были настороже.

Сложив руки перед грудью, дипломат поклонился.

- Глубоко благодарен вам за сердечный прием, полномочный посол Каррильон. Я – эмиссар пор’эль Борк’ан Каис Пор’ноа, но для простоты меня называют Умелым Оратором.

Чиновник фыркнул, услышав такое имя, но Оратор проигнорировал его. Людям кажется, что ваши имена чрезмерно нескромны, хотя причины этого загадочны для большинства знакомых мне тау. Разве, мол, стали бы они брать себе прозвища из пустого бахвальства? Хорошо, пусть так. Но у нас часто считается невежливым кичиться тем, что ты хорош в каких-то делах – по крайней мере, в некоторых человеческих культурах. Моя относится к их числу. Мы куда более деликатные и разнообразные создания, чем большинство из вас готовы признать, и у меня на Швартовке Гормена не любили хвастунов.

- Я приветствую вас от имени тау. Мы – пять каст, один народ. Мы предлагаем вам мир.

Каррильон почти незаметно покачал головой. Его лицо помрачнело, и я увидел в этом выражении смесь неприязни и предчувствия собственного поражения.

- Прощу сюда, эмиссар Умелый Оратор, – аугметика чиновника с неприятным акцентом выдавила полное имя дипломата на языке тау, – лорд Грюнкель ждет вас.

Нас провели кружным путем к большому, герметически закрытому павильону, у входа в который располагался воздушный шлюз претенциозного вида. Один из охранников Каррильона активировал модуль, и мы с Криксом, Бу и Умелым Оратором зашли внутрь. Я воксировал отделению, приказав не удаляться от входа.

- Следите за ними, – я был совершенно уверен, что имперцам не взломать зашифрованный канал тау. – Мне это не нравится, от всего происходящего воняет засадой.

- Уже не первый раз, Джатен’вре, – отозвался Голиаф.

- Мы вас прикроем, – передал Хольон, и на этот раз я поверил ему.

Внешняя дверь закрылась. Из шлюза выкачали воздух, закачали обратно новый. Открылась внутренняя дверь. Весь процесс совершался под аккомпанемент жужжащих, гремящих, лягающих и визжащих звуков, сливающихся в какофонию. Тогда мне стало ясно, насколько примитивна наша техника, насколько она запущена. Не могу поверить, что когда-то считал подобные вещи нормой.

Мы шагнули внутрь. Пол был застелен коврами, и на них уже появились мокрые пятна от влаги, скопившейся под тентом. На стенах павильона выступали капли конденсата; в целом он выглядел роскошным, но мрачным. Помещение рассекал надвое длинный деревянный стол, за которым стояли навтыжку двое охранников в алой парадной форме, золотых гребенчатых шлемах и дыхательных масках. Между ними, в чересчур богато украшенном кресле, сидел толстый мужик в похожем наряде, с лицом мрачнее тучи и набитым ртом. Перед имперцем стояло множество тарелок, и на протяжении всей встречи он постоянно орудовал вилок. По его лысой голове струился пот, глаза утопали в складках жира. Также на обрюзгшем лице имелись тонкие усики и крошечная треугольная борода.

- О, лорд Грюнкель, – с неподдельной радостью произнес Умелый Оратор, сложив руки перед собой, –

огромное наслаждение встретиться с вами лицом к лицу. Я – эмиссар пор’эль Борк’ан Каис Пор’ноа. Я приветствую вас от имени тау, пяти каст, одного народа, и сообщаю, что наделен всеми необходимыми правами, чтобы предложить вам сложить оружие и присоединиться к нам. Мы предлагаем светлое будущее и новую жизнь каждому, кто согласится встать на нашу сторону. Мы можем поделиться многим с верными друзьями. Все мы объединены мечтой о новой, лучшей жизни для обитателей вселенной, и все трудимся ради Высшего Блага. Я надеюсь, что вы решите принять культуру, технологии и защиту Империи Тау, как уже поступили ваши сородичи, пришедшие сюда со мной.

Хмыкнув, Грюнкель уставился на меня.

– Прежде я уже слышал ваше стандартное предложение и знаю об этих предателях. Уверен, если спросить его, он расскажет, как прекрасно жить с вонючими ксеносами и плевать на законы Императора. Я не настолько наивен, чтобы поверить, будто он абсолютно честен или может говорить свободно. Мне это неинтересно.

Вытерев руки и рот салфеткой, имперец поднялся и указал на кресла.

– Тем не менее, прошу вас садиться. Чужаки мне не нравятся, но я не варвар: мы честно договорились об этой встрече, и я намерен блюсти соглашение. Предлагаю вам отведать немногочисленных яств, имеющихся в нашем распоряжении. Блокада тяжело сказывается на моих людях.

Судя по жирному брюху Грюнкеля и инопланетным деликатесам стоимостью в небольшое состояние, страдал он намного меньше своих подданных. Так происходит всегда.

– Это весьма печально. Сожалею о несчастьях вашего народа, – ответил дипломат. И, черт подери, Оратор действительно так думал, хотя имперец не поверил ему. Слуга в ливрее отодвинул для дипломата кресло, и он изящно опустился на сиденье. Тау из касты воды превосходят в росте воинов огня, и это ещё одна вещь, удивительная для людей. – У нас имеется множество провизии высокого качества. Как только вы капитулируете, припасы будут немедленно переправлены в ваш город, вместе с отрядами поддержки и офицерами-логистиками, каждый из которых полностью подготовлен к оказанию помощи вашему правительству в деле подготовки новых граждан для тау’ва.

– И что это такое? Содружество или вроде того? – имперец щедро налил вина в бокал и передал его Умелому Оратору. Он не мог знать, что алкоголь не оказывает на тау никакого воздействия и малоприятен для них. Кроме того, ему не было известно, что дипломаты касты воды, благодаря достижениям ученых касты земли, практически невосприимчивы к ядам. Дипломат выпил вино; не сомневаюсь, вкус показался ему отвратительным, но он благодарно улыбнулся.

– Скорее, империя, – продолжил Грюнкель, потянувшись за сайкой. Разломив хлеб надвое, он запихнул в рот один из кусков. Жуя, имперец махнул второй половиной в сторону Умелого Оратора. – Вы являетесь сюда, приводите предателей, надеетесь показать мне, как хорошо и безопасно живется под властью тау. Считаете меня идиотом? Ваш обман не удался.

– Они не предатели! – возразил дипломат. – Они не предавали цивилизованность и мирную жизнь. Можете задавать гуэ’веса’вре Дж’тену Ко’лину любые вопросы. Само присутствие здесь моего защитного отряда указывает на искренность Высшего Блага. Эти люди охраняют меня, сопровождают повсюду. Днем и ночью они прикрывают меня с оружием в руках. Если бы они пожелали, то смогли бы по собственной прихоти прервать мое существование. Но этого не происходит. Они трудятся ради Высшего Блага, как и я. Эти люди служат мне по своей воле, как и я служу им по своей воле, через служение великому идеалу Высшего Блага. Вот что означает тау’ва.

Грюнкель вздохнул и откинулся в кресле, распустив брюхо. Хорошо, что я опять надел шлем: последнее время запах людей, не входящих в тау'ва, раздражает меня. Тау – невероятно чистоплотные создания, хотя их запах до сих пор кажется мне странным. Люди тоже следят за собой, но в таких местах, как Агреллан, где не хватает всего, включая воду, гигиена теряет приоритет даже для обеспеченных классов. Короче, от Грюнкеля воняло. Потом, нестиранной одеждой, но больше всего – привилегиями, возможными за счет страданий других.

– Когда-то я уже слышал все подобные предложения. Не всегда в таких же красивых словах, не всегда все разом. Тут мы в изоляции, взор Империи обращен в другие места. Поэтому людям, подобным мне, выпадает следить за непоколебимостью власти Императора, но мы терпим неудачи, – чиновник взглянул на меня. – Пираты, отступники, ксеносы... Все они развлекаются в Дамокловом заливе. Нам приходится самим заботиться о себе, следить, чтобы свет Императора и Империя не угасли здесь. Скажи мне, тау, чем вы отличаетесь от хрудов? Твои сородичи, несомненно, наводнят наш мир так же, как и эти чужаки. Чем вы отличаетесь от орков? Ваши угрозы более уклончивы, чем их, но суть остается той же самой. И ваше оружие, как указывали мне другие эмиссары вроде тебя, намного лучше, чем у зеленокожих.

Проворчав что-то, Грюнкель подался вперед. Очевидно, он постоянно испытывал неудобство из-за такого живота. Взяв порцию какого-то жилистого мяса, император обмакнул его в горшочек с соусом.

– Вы предлагаете нам только рабство, скрытое за словами о дружбе, – с этим он откусил шматок и заляпал бородку соусом.

– Нет! – ужаснулся Умелый Оратор. – Нет, среди нас нет рабов. Все мы трудимся вместе, ради Высшего Блага.

– Твоем роду известно, насколько велик Империя? Да? – Грюнкель неприятно улыбнулся. – Уверен, предательские типы вроде твоего Дж'хрена уже вас проинформировали. Империя Человечества – крупнейшая империя в космосе. Она простирается от одного края Галактики до другого. Ваше маленькое «содружество», неважно, насколько быстроразвивающимся оно себя считает, накатывается лишь на внешнюю стену Империи: нас, живущих около Дамоклова залива. И, хотя вы можете пробить брешь в одном месте, крепости вам не взять. Как только, мой чужацкий «друг», вы привлечете внимание Верховных лордов Терры, ваша раса пожалеет о своем высокомерии. Но продлится это недолго, потому что вы отправитесь в небытие. Если ты искренен в этих заявлениях о мире и совместном проживании, – в чем я совершенно не уверен, – то вот тебе мое ответное мудрое предложение, выдержанное в том же ключе. Отступитесь от Дамоклова залива. Укрепите границы и молитесь, чтобы Империя счел вас слишком мелкими, не заслуживающими уничтожения, потому что иначе вы будете уничтожены. Ваши технологии и вера в себя вас не спасут. Вы раздражили великана, и он пробуждается вам на погибель.

Ничего себе речь, подумал я. Лицо Умелого Оратора выражало открытость и симпатию.

– О, могучий имперский лорд, благодарю вас за ваш совет, но боюсь, что мы не можем и не станем действовать в соответствии с ним. Он противоречит нашему предназначению, которое заключается в том, чтобы доставить всем и каждому послание о Высшем Благе, и принести мир в Галактику.

Скривив губы, Грюнкель недоверчиво покачал головой.

– Вы так высоко цените себя. И, как бы еретически это не прозвучало, вы, возможно, правы – я видел ваши технологии. Но вас мало, а нас много.

– Но вы не осознаете, что ваше время ушло, – возразил Умелый Оратор. – Вот, позвольте нам

продемонстрировать некоторые технологические и социальные преимущества, которыми вы сможете пользоваться, как равные участники общего труда во имя единой цели.

Дипломат жестом пригласил Бу выйти вперед, но имперец остановил того хмурым взглядом. Не успев развернуть демонстрационный модуль, техник остановился возле стола. Насколько я мог судить, отказ он воспринял болезненно, но каста земли – стоический народ. Раздражающе стоический.

– Меня это не интересует. Можете взять свой гнусный чужацкий хлам и запихнуть себе в отверстие для испражнений, где бы оно у ваших особей не находилось.

Как мило, подумал я, а ведь он из верхних слоев агрелланского общества.

Умелый Оратор помрачнел, но по его лицу было совершенно ясно, что он не оскорблен, а жалеет Грюнкеля.

– Империи, как и звезды, рождаются, ярко сияют, а затем угасают. Неужели вы думаете, что ваша раса владеет уникальным правом на власть? Археологи каст земли и воды обнаружили свидетельства существования забытых цивилизаций, которые старше наших на десятки миллионов лет! – дипломат простер руки, словно пытаясь выдавить каплю здравого смысла из этого памятника имперским устоям. – Больше того, Империиум – не первая человеческая империя, в этом мы убедились после контактов с мирами людей, о которых вы забыли. Но могу утверждать, что он станет последней. Ваш народ будет жить в нашем содружестве, независимо от того, увидите вы это своими глазами или нет. И я радуюсь, что это так, поскольку любой геноцид постыден и нецелесообразен. Если бы только мы могли принять вас всех в наши ряды без кровопролития! Если вы боитесь возмездия сородичей, то зря. Работайте с нами! Чем большего вы добьетесь, тем слабее станет тирания ваших повелителей, тем меньше власти у них будет над вами. Живите в безопасности, живите свободными!

– Свободными? – фыркнул Грюнкель. – Свобода – опасный миф. Повторюсь, Умелый Оратор, всё это я уже слышал прежде. Думаешь, что твоя армия, ждущая там, – он указал вверх, – заставит меня прислушаться к этому вероломному предложению? Ты недооцениваешь нас, если считаешь, что можешь так легко запугать. До этой попытки захватить наши планеты сюда уже являлась каста воды. Я смотрел ваши трансляции, читал вашу пропаганду...

Дальше имперец говорил, глядя прямо на меня.

– Всё в них было просто чудесно, но лучше, говорю я, лучше законная власть Императора Человечества, лучше цепи честного служения, чем чужацкий сапог на шее, замаскированный ложным равенством!

Бросив кусок мяса на стол, он откинулся в кресле, вздохнул и снова сложил пальцы на брюхе.

– Уверен, ксенос, что ты будешь очень разочарован моим ответом, но вот он: улей Хаирон не сдастся.

Когда Умелый Оратор кивнул, на его уникальном лице возникло изящное выражение, в котором сочеталось осознание и разочарование.

– Понимаю. Благодарю вас за эту встречу, – он встал и поклонился, держа руки крест-накрест на груди, по обычаю тау. – Если вам удастся пережить знакомство с нашими охотничьими кадрами, я надеюсь, что мы увидимся вновь, и ваше мнение к тому времени изменится.

С этим дипломат направился к воздушному шлюзу. Крик последовал за ним, вертя головой по сторонам в поисках признаков засады. Затем двинулись Бу и я.

- Подожди! - крикнул Грюнкель, и Умелый Оратор остановился. - У меня есть вопрос к твоему рабучеловеку.

- Дж'тен? - попросил меня дипломат.

Я развернулся.

- Задавай, Грюнкель.

Отбросив его титул, я испытал огромное удовольствие. Имперцу это не досадило. Могу поспорить, он был прагматичным человеком, этот Грюнкель, и при этом не трусом. Я сочувствую подобным людям - конечно, он был настоящей свиньей, и тираном, но этого от него требовала система. Чиновник знал, что вполне может погибнуть. Что ему оставалось делать? Он решил рискнуть, и, к сожалению для него, поставил не на ту карту.

- Скажи мне, «Дж'тен», если тебя действительно так зовут: он говорил правду? Лучше ли тебе жить их рабом, чем подданным Императора?

Какое-то время я изучал его через визуальную систему шлема. Он отдалял нас друг от друга, этот технологичный интерфейс. Когда я так смотрел на Грюнкеля, имперец казался кем-то, никак не связанным с моей жизнью, даже смешным. В тот момент мне показалось, что я просто не мог жить так, как жил до тау'ва. Я почти поверил, что мое прошлое было кошмаром. Почти.

- А сам ты как думаешь? - ответил я Грюнкелю, после чего обратился к Оратору. - Предлагаю немедленно уходить, пор'эль.

Умелый Оратор помедлил. Очень профессионально: он дал имперцу понять, что обдумывает мои слова. Что я для него не лакей.

- Очень хорошо, гуэ'веса'вре, я согласен. Прощайте, лорд Грюнкель.

Мы покинули павильон. Последний раз, когда я оказывался в подобной ситуации, то был на другой стороне и ещё звался Джатеном Корлингом, капитаном сил планетарной обороны Швартовки Гормена. Как только появились тау, - со значительно большими силами, должен добавить, поскольку их посланник касты воды не разделял любви Оратора к скромности - я понял, что в бою с ними не совладать. Мы все это видели, все, кроме полковника Артреуса. Если вернуться к нашей аудиенции у Грюнкеля - возможно, он тоже понимал, что проиграл. Возможно, признать это ему не позволила гордость. Не так просто смириться с тем, что твое время ушло.

Грюнкель был более прагматичен, чем Артреус, но уступал в этом Бороту. Все мы бросаем жребий и делаем выбор; я сделал свой, он сделал свой. Я жив, а Грюнкель мертв. О чем это вам говорит?

Близился вечер, и верхние уровни улья, высоко торчащие над дугой агрелланского горизонта, ещё отсвечивали янтарем, но стены были окутаны серыми тенями, а лес уже оказался во власти ночи.

- Они что-то задумали, - передал я отряду. - Хинкс, Отельяр, в авангард. Голиаф, Хелена, ближе к пор'элю. Хольон, держись возле меня. Пожалуй, стоит сообщить кор'ла Д'ианою Йель'фиру, чтобы запускал дронов.

Бу схватил меня за рукав, прижимая к себе не потребовавшийся демонстрационный модуль.

- Мы ждатель здесь. Не идти. Пор'эль думать, мы быть безопасные.

- Это не его работа, а моя. Он слишком поглощен идеями чести и взаимной выгоды, чтобы понять, насколько коварным может оказаться этот боров, - ответил я. - Мне всё это не нравится, что-то тут не так.

Сделав поворот, мы вышли на посадочную площадку. Кор'ла Д'ианой Йель'фир, которого вытащили из кабины, пытался устоять на ногах, приспособленных для невесомости. Стоявшие вокруг люди держали его на прицеле.

- О, нет, - выговорил я. - Они взяли и натворили дел.

Вы понимаете, что во мне говорил не страх за себя. Я знал, что произойдет дальше, и у меня скрутило кишки. Всем этим людям предстояло погибнуть.

- Бросить оружие! Не двигаться. Вас берут в плен! - крикнул их офицер.

- Ох, долбаные идиоты, - прошептала Хелена.

- Не делайте этого! - я переключился на динамик шлема. - В сторону, мы - дипломатическая миссия, обладающая полным иммунитетом в соответствии с договоренностями, достигнутыми перед встречей!

- Никаких сделок с чужацкой мразью и предателями! Что, помогло вам это Высшее Благо? Вы попались в ловушку.

Видя, что на меня направлены лазганы полувзвода бойцов, я бросил оружие, и отряд последовал моему примеру. Я не стал бы участвовать в расстреле людей, с которыми когда-то мог сражаться на одной стороне. Впрочем, это было слабым утешением.

- Нет, друг мой, - тихо произнес я, - ты сам шагнул в западню.

Вот как всё устроено: как только противник поднял оружие и огласил свои угрозы, он обязательно получает шанс капитулировать. Пор'эль обернулся ко мне, значит, момент настал. Возможно, они лучше воспримут предложение из моих уст.

- Сейчас же, ради любви к Императору, сложите оружие!

Гвардеец рассмеялся.

- В тебе нет любви к Императору, изменник!

Они двинулись вперед, чтобы схватить нас, но далеко не ушли.

Из леса вылетели шипящие разряды, раздался картавый рокот скорострельных пушек с шумоподавителями. Всё произошло очень тихо, и гвардейцы поняли, что по ним ведут огонь, только когда трое бойцов разлетелись на куски.

Через мгновение ошеломленного молчания опушка превратилась в настоящий бедлам. Люди разбегались во все стороны, слишком занятые спасением собственных шкур, чтобы стрелять по нам.

Один из дронов «Каракатицы» выскочил из ниши и понесся к Умелому Оратору, после чего накрыл дипломата светящимся энергетическим полем. У гвардейцев, похоже, был приказ на уничтожение, поскольку в сторону Оратора летело немало лучей, но он стоял с безразличным видом, защищенный превосходными технологиями Высшего Блага.

Когда они поняли, что происходит, то обратили оружие против нас и застрелили Хинкса наповал, просто от бессильной злобы. Крикс бросился на гвардейцев, так быстро, что первые трое из убитых крутом даже не заметили его. Воин издал ужасающий вопль, и уцелевшие бойцы кинулись бежать от него – прямо на отряды «невидимок», скрытых в зарослях.

- Хватит! Хватит! Довольно! Прекратить огонь! Пощадите их! – кричал пор'эль.

У «невидимок» кровь взыграла, так что Умелому Оратору пришлось несколько раз повторить приказ. Только после этого стрельба прекратилась. Повсюду на поляне лежали тела; гвардейцы, пытавшиеся убежать по дороге к павильону, наткнулись на поднятые нами карабины. Позади имперцев возникли отряды «невидимок», выглядевших как неясная дрожь в воздухе. На этот раз, когда мы попросили неприятелей бросить оружие, они повиновались.

- Какие бессмысленные, бессмысленные потери, – тихо пробормотал дипломат. Он бродил вокруг, оставаясь под опекой щитового дрона, и рассматривал картины бойни. Крикс с аппетитом поглядывал на трупы, но не собирался их есть – только не в присутствии тау.

Бу помог кор'ла Д'ианою Йель'фиру залезть обратно в кабину, поскольку летчик при такой силе тяжести оказался практически беспомощным. Мои ребята окружили гвардейцев и заставили собраться перед носом «Каракатицы». Одна из команд «невидимок» направилась к павильону. Началась стрельба, которая вскоре умолкла, и воины огня в громоздких скафандрах возвратились, ведя перед собой Грюнкеля и ещё нескольких бойцов. Всего мы взяли около тридцати пленных.

- Что будем с ними делать? – спросил я.

- Отпустим, – сказал Умелый Оратор. – Это дипломатическая встреча, и я буду следовать её правилам, даже если они поступили иначе.

- Но они же будут сражаться против о'Шасерры.

- Значит, они умрут, но это будет их выбор, а не мой. Уничтожьте их оружие.

Мои уцелевшие бойцы занялись этим, пока команды «невидимок» стерегли пленных. Я осмотрел дымящиеся тела в поисках признаков жизни. Если Оратор видел в произошедшем бессмысленные жертвы, то я – только идиотизм. Грюнкель, на которого обрушился прилив, отказывался признать, что промочил ноги! Вот в чем настоящий позор. Времена меняются, просто большинство моих сородичей ещё этого не поняли.

- Глупо, – сказал я Грюнкелю. Имперец посмотрел на меня, держа руки сцепленными на затылке – хоть однажды разделил судьбу своих подчиненных. Законченный ублюдок с холодными глазами.

- Не глупо, – возразил дипломат, обращаясь скорее к Грюнкелю, нежели ко мне. – Это был акт неповиновения, жалкое деяние. Посмотри же, твои люди погибли, и ради чего?

- Ты тоже привел солдат, – ответил чиновник. Несколько нахально, как мне показалось.

Умелый Оратор грустно улыбнулся.

- Только потому, что ваш народ печально известен своим вероломством. Благодарю судьбу, что не все вы одинаковы... Наше предложение остается в силе. Пожалуйста, измени решение. Я хотел бы увидеть, как вы работаете вместе с нами, а не умираете вот так. Эти потери бессмысленны.

- Пошел к черту, ксенос! – прорычал Грюнкель из-под дыхательной маски. – Я лучше сдохну!

Улыбка дипломата угасла.

- Весьма опасаясь, что так и произойдет, к моему бесконечному сожалению.

Развернувшись, Умелый Оратор поднялся в «Каракатицу». Мы уже подобрали тело Хинкса и настороженно стояли возле БТР, держа гвардейцев на прицеле в ожидании запуска двигателей. Очевидно, многие солдаты размышляли над предложением дипломата, но мы не могли никого взять с собой.

Бу зашел в транспортник, следом забрались мы, не опуская карабинов до самого конца. Люк захлопнулся перед лицами людей, которые уже поверили, что им конец, и теперь испытывали явное облегчение. Освободив гвардейцев, Умелый Оратор продемонстрировал милосердие и дипломатическое искусство, хотя солдатам это вряд ли бы помогло. Если их лидеры не капитулируют, бойцы просто погибнут завтра или послезавтра.

«Каракатица» поднялась над вырубкой, и мы отправились к кораблю, на котором должны были вернуться к флоту. Оставшиеся внизу команды «невидимок», исчезнув на глазах имперцев, снова скрывались в джунглях. Им оставалось ждать атаки о’Шасерры ещё несколько дней.

Лучше бы Грюнкель сдался.

Глава пятая

Никогда не устану восхищаться эффективностью тау.

Всего лишь через несколько суток вспыхнуло полномасштабное сражение за Агреллан. Солнце клонилось к закату, и десять из двенадцати ульев – включая Хаирон – уже были захвачены охотничьими кадрами первого удара Тени Солнца. *За один день.* Такие молниеносные победы наверняка стали полной неожиданностью для имперских генералов. Как показало будущее, два оставшихся города тоже продержались недолго. Слышал, что имперцы начали эвакуацию одновременно с атакой о’Шасерры. Разумное решение: наши силы располагались в других точках, были слишком рассредоточены, чтобы серьезно помешать их отступлению. Думаю, этим успехом противник обязан магистру ордена космодесанта, который возглавлял всю группировку. Он действительно был столь же хорош, как и Тень Солнца.

Имперцы оттягивали все имеющиеся силы в Агреллан-прим, откуда их переправляли на орбиту. Флот неприятеля отступил на ту сторону планеты, далеко за пределы нашей зоны видимости. Их корабли заняли позицию над ульем и сдерживали боевые формирования тау, пока солдат на поверхности вытаскивали из-под огня. Мне было интересно, предложат ли имперцы гражданским забрать их с собой, и, если да, сколько штатских примут такое предложение? Основное сражение разворачивалось вдали от моего отряда, но даже неблизкие артурдары сотрясали землю, а над головами периодически проносились с воем звенья «Солнечных акул».

Рядом с нами располагалось немного воинов, но повсюду вокруг трудились группы технического обеспечения касты земли. Вторжение ещё не завершилось, а они уже занялись строительством космопорта. Черт, да они целый город возводили. Уверен, что существующие площадки «поверхность-

орбита» входили в список основных целей тех или иных команд в составе кадров, но тау на них особо не рассчитывали. Большинство имеющихся космодромов находились либо рядом с ульями, либо вообще внутри них, и обеспечить безопасность объектов было почти невозможно. Города ведь были огромными, и неважно, как быстро капитулировали или отступали под натиском тау вооруженные силы Империи, там оставалось население, разделенное на группировки. Не все они видели в чужаках героев-освободителей. Учитывая, что на полное замирение ульев потребовалось бы несколько дней, космопорты и посадочные площадки стали бы главными мишенями для фанатиков-самоубийц с бомбами.

Тау не могли рисковать своими стройотрядами или администраторами, подставляя их под удар. Кстати, Бу рассказывал мне, что у касты земли ульи вызывают восхищение – очень нехорошего толка. Обсуждаются планы их перестройки, но, как он говорил, потребуется немало времени, чтобы привести города в соответствие с нормами Высшего Блага, и в любом случае население планеты серьезно сократится. Согласно подсчетам касты земли, количество жителей на Агреллане очень серьезно превышает оптимальный уровень. Бу по секрету признался, что лично он предпочел бы снести ульи, но не думает, что будет принято такое решение. Третья сфера расширения продвигается слишком быстро, чтобы тратить на них время.

Так вот, чтобы устранить проблему с небезопасными площадками, каста земли, в своем привычном стиле, собиралась построить новый город. Под обстрелами и за неполных три дня.

И мы, будучи всего лишь гуэ'веса и не обладая полным доверием, получили назначение в тыл. Моему отряду выпала задача по охране стройплощадки этого нового поселения, которому дали прозаичное имя Му'гулат'эффу'ве – «Первый плацдарм на Му'гулате».

Поэтичностью каста земли не страдает.

Не могу сказать, что был полностью разочарован назначением. На Агреллан с первыми же имперскими подкреплениями прибыли космодесантники, Белые Шрамы, насколько мне известно, хотя я никого из них не видел. Затем появились другие, Гвардейцы Ворона, и их командир принял руководство всей группировкой противодействия вторжению. Всего несколько сотен воинов, значит, но этого было более чем достаточно. Вы поймите, для граждан Империи Адептус Астартес – мифологические существа, почти боги... И они пугают нас. Их не просто так называют Ангелами Смерти.

С нами разместили несколько команд воинов огня – «настоящих» воинов, по мнению тау, но меня это не успокоило. Да, знаю, я захожу на опасную территорию, но и так уже наговорил под запись столько, что вы можете расстрелять меня, если сочтете недостаточно дисциплинированным. Я заметил вот что: когда битва поворачивается не в пользу воинов огня, они оказываются менее стойкими, чем люди. Сейчас я уже заглядываю в будущее, когда гуэ'ла станут доверять задания на передовой, как, например, траксийцам или маль'кор. Мы многое сможем привнести, и, не в последнюю очередь, тактическую гибкость.

Во всяком случае, именно об этом я твержу командованию воинов огня при каждой возможности. Сомневаюсь, что убедил их, но начальство удачно выбрало время: нас отправляют на фронт сразу же после того, как приживутся мои имплантаты голосовых связок. Не могу дождаться этого, просто не могу. Не знаю, пригодились ли все мои доклады и прошения – возможно, отчасти командование пошло на это из-за случившегося там, в Му'гулат'эффу'ве.

Тень Солнца начала атаку рано утром, а к местному полудню стройотряды касты земли уже расчистили территорию и приступили к возведению первых зданий. Всё началось с грузового модуля, который,

снижаясь под огнем, каким-то образом успел сбросить четырехэтажный командный комплекс, после чего был сбит. Благодаря этому главному узлу процесс ускорился. Целые звенья лихтеров спускали на поверхность оборудование и машины, которые сразу же бросали на прокладку дорожной сети. Вскоре небеса были очищены от вражеских самолетов, и каста земли смогла доставить с орбиты более тяжелые приспособления.

К середине дня они уже проложили улицы, выкопали фундаменты и разместили опорные модули, а каста воздуха тем временем доставляла всё новые и новые блочные здания. Повсюду мельтешили строительные дроны, инженеры и целые сотни чужаков, входящих в тау'ва. На площадке присутствовал эфирный по имени аун'Кира, который наблюдал за работой с вершины командного узла; это показывало, насколько все уверены в победе. Мой отряд назначили в патруль вдоль периметра, но вообще мы оказались там, поскольку наш пор'эль Умелый Оратор расположился в Первом плацдарме.

Значительную часть комплекса отвели под переобучение жителей, и там находились несколько представителей касты воды. Центры обработки возводились в первую очередь, поскольку тау не сомневались, что захватят множество пленных, или ожидали массовых капитуляций, а также помнили об огромном населении двенадцати ульев Агреллана. К вечеру на территорию уже доставили более десяти тысяч имперских солдат, они прошли распределение, и мы начинали переправлять в другие места тех, кто согласился присягнуть в верности тау'ва.

Судьба отказавшихся была незавидной, но такова война. Они сделали свой выбор.

Сразу же после сообщения о том, что кадры захватили Агреллан-два, нас атаковали.

Не поймите меня неправильно. Я уверен, что этот инцидент неоднократно рассматривался верховным командованием. Отряды касты земли возводили полдюжины таких плацдармов или около того, и тогда мне было совсем не по чину рассуждать, почему напали только на наш комплекс. Сейчас, конечно, всё это до боли понятно.

Да, я в первые же секунды заподозрил, что это не случайная атака, и, да, в свете последующих событий мне следовало действовать, исходя из этой догадки. В допущенной ошибке я открыто и честно признался на разборе полетов. Тогда мне ещё казалось, что у меня нет права поднимать голос и высказывать собственное мнение старшим по званию. Сама командующая о'Хие'эсера сказала мне, прямо в лицо, что в дальнейшем подобное недопустимо. Что я должен озвучивать свои мысли, что моя принадлежность к гуэ'веса не имеет значения, и что все мы в равной мере сражаемся за Высшее Благо. Больше того, она заявила, что я, будучи гуэ'веса, лучше понимаю гуэ'ла, и поэтому мое мнение является ценным.

Клянусь, что не забуду этого. И всё же, задним умом каждый крепок...

На охране Первого плацдарма был занят кадр воинов огня, а также пять крутских кланов, мой ла'руа, ещё две команды вспомогательных сил гуэ'веса и один тракийский отряд ближнего боя. Общая численность, если обратиться к терминам Имперской Гвардии, примерно две роты. Атака оказалась для нас полной неожиданностью. Почему так? Мы находились вдали от быстро сужающейся линии фронта; имперцы, несмотря на их подготовку, были застигнуты врасплох; когда началось строительство города, эвакуация уже шла полным ходом. Я думал, что никто не решится напасть на площадку, защищаемую целым кадром при поддержке штурмовых кораблей и одной из этих новых «Быстрин».

Оказалось, что катаканцев не так легко запугать.

Когда всё началось, я вместе с моей командой патрулировал южную границу зоны. Деревья там были зловещие, всем нам что-то чудилось. Помню, радовался, что наши турели вес'рон наблюдают за темными участками в лесу. Даже в ярком свете дня эти заросли выглядели дурными. Никакой травяной подстилки я не заметил, кругом росли только деревья с бледными стволами, которые сливались вдали в грязно-серую муть, неприятную для внимательного глаза.

- Здешние животные не высовываются, - заметила Хелена.

- Вот и хорошо, - отозвался Голиаф. - Звери тут недружелюбные.

- Они вообще понимают, что здесь делают? Зачем выбрали такой мир? У меня мурашки по коже от того, что вы, имперцы, делаете со своими планетами! - заявил Отельяр. Как и всегда, в его голосе четко звучали гневные нотки.

- Не «они», а «мы», Отельяр, и не «вы», а «они». Я не имперец, как и Хелена, как и Голиаф. Мы все приняли тау'ва. Ты, кажется, умышленно забываешь об этом.

Он что-то пробормотал - возможно, извинялся. Хольон заржал, Император знает с чего.

- Что за дела?! - крикнул Голиаф, указывая на опушку леса. Там было какое-то движение.

- Стоять, - командовал я всему ла'руа. Увеличив изображение в визоре, навелся на подозрительный участок у границы деревьев. - Местное животное.

По опушке крался зверь, похожий на крупную кошку, но с плоской головой и шестью ногами.

- Вы только посмотрите на это! - прогремел Голиаф. - Мерзкая штуковина.

- Видал побольше, видал похуже, - пренебрежительно заметил Хольон.

- Понятия не имею, как они тут живут без дыхательных масок, - заявил великан.

- С виду оно нездоровое, - сказала Хелена.

- Да, - согласился я. Она была права: серый мех зверя свалился и местами выпал, обнажив покрытую струпьями кожу. Максимально увеличив изображение, я понял, что существо практически целиком покрыто нарывами, а одна из ног в средней паре усохла.

- Оно так и должно выглядеть, 'вре? - уточнила Хелена.

- Ума не приложу, я даже не знаю, шесть ли ног у здешних зверей, или они четвероногие, а это какой-то мутант. Я же не биолог, спроси кого-нибудь из касты земли.

Женщина рассмеялась.

- Они немного заняты, да и спецов подходящих здесь нет.

- Ладно, придется тебе подождать с этим.

Мы видели, как животное скрылось в лесу. Несмотря на размеры, зверь не выглядел слишком опасным, но ближайшая турель вес'рон всё равно очень внимательно следила за ним, пока он не исчез среди деревьев.

Затем мы возобновили патрулирование. Прошло, может быть, около половины дека. Мы продолжали

внимательный, размеренный обход, когда вдруг повсюду завывали сирены и раздался первый доклад.

- Всем отрядам, всем отрядам! Боевая готовность, нас атакуют. Нас атакуют!

Оглядываясь по сторонам, как идиоты, мы пытались найти причину происходящего. На южной стороне всё было тихо, не считая резких сигналов тревоги, которые звучали из турелей вес'рон и внутришлемных наушников. Не было никаких движений, мы даже не слышали ничего подозрительного, и какое-то время ничто не прерывало деятельность касты земли у нас за спинами.

Я вышел на связь.

- Штаб, штаб, говорит гуэ'веса ла'руа восемь-четыре-четыре-восемь. Ничего не наблюдаем, какие будут приказания?

После некоторой паузы мне ответила лично о'Хие'эсера.

- Они атакуют северную сторону. Немедленно выдвигайтесь туда для поддержки шас'ла ла'руа гои'ва'хе'нака.

- Цель противника? - запросил я, и модули перевода в шлеме отправили моему командиру понятное ей сообщение.

- Наступают на центр обработки, - ответила командующая. - Гуэ'ла вырезают гуэ'ла, чтобы не дать им присоединиться к тау'ва! Это чудовищно!

Она была права: такие действия выглядели жалкими, но, опять же, о'Хие'эсера не знала Империи так, как мы, не знала, каким он бывает мстительным. Наверное, люди ужасают вас.

Признаки боя становились очевидными. Три корабля-гравитанка «Рыба-молот», патрулировавшие зону с воздуха, взяли курс на северную сторону и пролетели точно над центром Первого плацдарма. Рабочие касты земли отрывались от своих занятий с суровой эффективностью, которая сопутствует им во всех делах. Машины автоматически отключались, вокруг них поднимались защитные энергетические поля, над уязвимыми частями смыкались взрывозащитные двери и ставни. Мы бежали - стройплощадка имела четыре километра в ширину. Когда добрались до центра, тау из касты земли, дисциплинированно построившись в колонны, уже шагали в центральный командный узел, под которым был оборудован бункер. Нам пришлось через них проталкиваться. Над головами со свистом проносились звенья дронов. Теперь-то мы слышали стрельбу: тонкий визг импульсного оружия и треск лазганов. Скорострельные дронные установки вокруг командного узла выпускали очереди в северном направлении. Рядом разорвались три минометных заряда, осыпав нас землей. Пригнувшись, мы устремились дальше.

Затем неподалеку рухнул ещё один, более крупный снаряд. Он угодил в середину колонны рабочих из касты земли, через которую мы только что пробрались; в воздух взлетели части тел, комья грязи и расколотые строительные формы. Ударная волна настигла мой отряд, сбила меня с ног. Голиаф поднял меня на ноги, а Хелена и Хольон, в нескольких шагах от нас, помогали раненым тау. С Отельярмом возникла проблема - он со всех ног бежал в направлении боя.

- Ты в порядке, босс? - спросил Голиаф.

Я сбросил его руку.

- Отельяр, Отельяр! Вернуться в строй, немедленно!

У меня немного кружилась голова. Повсюду вокруг носились отряды медиков, которые поднимали оглушенных фио'ла на ноги и подталкивали в сторону командного узла. Хелена передала им раненого, у которого пыталась остановить кровотечение из шеи, и присоединилась к нам, затем подошел Хольон. Отельяра нигде не было видно.

- Эй, да у нас же и так на один ствол меньше, он нам нужен! - крикнул я в вокс-уловитель. - Вернись немедленно, ла'Отельяр!

Закладывая виражи, примчались объединенные в сеть защитные дроны и раскинули энергетический «зонтик» над уцелевшими тау из касты земли. Рабочие вбегали в широкие сегментированные двери, идущие по окружности командного узла. Снаряды, падавшие уже вдалеке от нас, врезались в силовую оболочку здания. Парочка пробила щиты, но весь вред от них ограничился мутно-черными пятнами на гладких белых стенах. Остальные разорвались среди дронов, и три машины с лязгом рухнули наземь, окруженные фонтанами искр и клубами дыма. Тем не менее, свою задачу они выполнили, и последние фио'ла оказались в безопасности.

К тому времени мы уже покинули центральный участок и направлялись к окружным дорогам, в гущу сражения.

Шеренги воинов огня заняли позиции у северного края площадки. Имперцы удачно выбрали место и время для атаки: участок под Первый плацдарм был полностью расчищен. Зона строительства имела форму круга, и здания - за исключением центра обработки - возводились по секторам, начиная с юго-западной четверти и дальше по часовой стрелке. Три пятых территории ещё не были заняты постройками, а все законченные объекты находились на юге и юго-западе. Таким образом, на северной стороне почти не имелось укрытий. Разве что дорожное полотно немного выступало над землей, кроме того, можно было залечь за фундаментами и турелями. Ещё имелось несколько ям, вырытых для ускоренной закладки более заглубленных модульных зданий. Если бы не они, нас бы застигли на открытом месте.

Бу многое мне рассказывал о развертывании стройплощадок касты земли в боевых условиях. Он вообще довольно кровожаден для фио'ла, из-за пребывания на передовой, должно быть. Кроме того, два тау'кира назад, на Швартовке Гормена, я уже видел, как возводится поселение, аналогичное Первому плацдарму. Всё там очень хорошо продумано, но в тот раз автономность стройотрядов сыграла против нас. Если бы мы были на имперском плацдарме, там нашлись бы канавки для линий связи, груды стройматериалов, громоздкие землеройные машины. Строительные работы заняли бы несколько недель, но для защитников нашлось бы множество укрытий. А здесь, в Бухте Му'гулат, работы на юге были закончены, но между нами и центром обработки оставалась голая земля, и та же голая земля оставалась между нами и командным узлом.

Гвардейцы находились в намного лучшей позиции. Их первый налет на центр обработки удалось отбить, и перед зданием лежало несколько десятков человеческих тел, но и само оно получило повреждения. Остальные неприятели доставляли больше проблем: они вели огонь из джунглей, предоставлявших хорошее укрытие.

Добежав до указанного нам отделения воинов огня, мы залегли. Отельяр уже был там и палил из импульсного карабина в унисон с шас'ла ла'руа. Взбешенный таким поведением, я, не обращая внимания на выстрелы гвардейцев, выбил у бойца оружие и перевернул его на спину.

- Чтобы такого не повторялось! Мы должны работать в команде. Вот это - твоя команда! Мы, а не они, -

я показал на воинов огня. – И не кто-то иной, ведущий сражение, в котором тебе вдруг захотелось поучаствовать. Ты не повинешься приказам, снижаешь нашу эффективность. Ещё раз поступишь так – отправлю под трибунал!

Лица Отельяра не было видно под шлемом, но он кивнул. Как только я выпустил плечо бойца, тот снова перевернулся на живот и подобрал карабин.

Тактическая обстановка была следующей: мы находились на открытом месте, но обладали значительно большей огневой мощью. В лес улетало столько разрядов, что гвардейцы прижимались к земле и их ответные выстрелы не отличались точностью. Кроме того, в дистанционном бою импульсное оружие эффективнее лазерного. Это особенно верно для планет, подобных Агреллану, в мутной атмосфере которых световые лучи быстро утрачивают когерентность. Любой имперский гвардеец, переживший хотя бы одно сражение, знает, что лазганы надежны и дешевы в производстве, но окружающая среда может пагубно влиять на их эффективность.

Кроме того, у нас имелось несколько машин огневой поддержки, у неприятеля – три тяжелых танка. Один из них уже превратился в пылающие обломки, но два других, орудуя бульдозерными отвалами, вздымали перед собой валы глинистой почвы. До сих пор расследуется, как противнику удалось подвести технику настолько близко, но я подозреваю, что всё дело в их полевой выучке. Катаканцы отлично приспособлены к войне такого рода, просто славятся этим. Ещё там было довольно много шагоходов «Часовой», что тоже указывало на присутствие гвардейцев с этого мира. Крепкие они ребята, это точно. Рядом с существами их родной планеты болезненные кошмары Агреллана покажутся жалкими. Джунглевые бойцы носили разгрузки, руки у них были обнажены, натальной защиты я почти не видел. Они говорят, что броня их замедляет. Очень мускулистые парни, причиной тому – высокая гравитация Катакана. Единственной уступкой ядовитой среде Агреллана оказались респираторы, которые надели все гвардейцы. Даже катаканцы не могли дышать тамошним воздухом.

Плохие новости состояли в том, что противник вел плотный и непрерывный минометный обстрел. В первую очередь страдали команды воинов огня, размещенные к востоку от нас. Нам ещё очень повезло, что из-за редкой задержки строителей не были запущены преобразователи атмосферы – Бу говорил, что планировалась крупная сеть таких устройств для очистки воздуха. Если бы случилось прямое попадание в одно из них, битва мгновенно бы закончилась.

С нами находилась о'Хие'эсера, которая направляла эскадрильи дронов против Гвардии. Вес'рон неплохо прикрывали нас и держали врагов в напряжении. Таким образом, установилось некое равновесие. Единственная «Быстрина», приписанная к Первому плацдарму, накрывала заросли мощным огнем, но катаканцы постоянно двигались, и нам, при всех наших полезных технологиях, сложно было засечь противника. Целеуказатели – как переносные, так и установленные на дронах – в некоторой степени лишали гвардейцев этих преимуществ, и мне подумалось, что вскоре скажется наш перевес в качестве вооружения и огневой дисциплине. Мы оттесним катаканцев в лес, где, после завоевания планеты, их выследят, захватят и постепенно интегрируют в тау'ва. Несмотря на сложное положение, мы уже отбили их атаку. Ну, так я решил.

Оказалось, что я ошибся.

Перекрывающиеся по секторам импульсные очереди начали поражать врагов. Силуэты гвардейцев, подсвеченных целеуказателями, сияли ярко-оранжевым цветом в устройствах наведения шлемов. На нас по-прежнему сыпались мины, и мы несли заметные потери, но уничтожили примерно взвод неприятелей. Им удалось выбить две команды воинов огня с нашей стороны.

Именно тогда имперцы пустили в ход секретное оружие. Они выжидали, пока «Быстрина» не перешла в наступление, устремившись вперед на реактивных двигателях для поддержки атаки нашей пехоты. В этот момент БСК оказался в одиночестве, без прикрытия «Рыба-молотов».

Из зарослей на северо-западе появился имперский Рыцарь. Первым признаком его приближения стали зашевелившиеся верхушки деревьев, а затем боевая машина с треском вырвалась из леса и разверзся ад.

Рыцари – редкие штуковины, огромные шагоходы, напичканные таинственными технологиями. Прежде я уже видел такого, и в тех же цветах. Дом Террин, по-моему. Он был крупнее «Быстрины» и обладал такой же тяжелой броней. Устремившись на наши позиции, Рыцарь открыл огонь из боевых пушек и стабберов: это просто кинетическое оружие, стреляющее сплошными или разрывными снарядами, но огромный калибр делает его опустошительным.

Триумфальное предчувствие, охватившее нас, мгновенно испарилось. Очередь снарядов боевой пушки вонзилась в передовую из трех «Рыба-молотов», и обломки гравитанка срезали воинов огня, укрывавшихся за ним. Одновременно с этим Рыцарь вел непрерывную пальбу из других орудий, накрывая наши ряды потоками трассирующих пуль. Из-за его преимущества в росте наши скромные укрытия оказались бесполезными, и за несколько мгновений погибла, кажется, пятая часть воинов огня.

О'Хие'эсера немедленно отреагировала на это. Две уцелевших «Рыбы-молота» набрали высоту, постоянно стреляя по врагу. Затем командующая приказала отступить, и мы отошли с позиций, команда за командой. Турели командного узла повернулись в направлении гигантского шагохода, и «Быстрина» выдвинулась ему наперерез. Каста земли очень высоко ставит эти БСК, но я не думаю, что они брали в расчет щиты, которыми снабжены Рыцари. Содрогаясь, «Быстрина» послала в противника несколько ионных разрядов. Фронтальный щит поглотил их без остатка, только всполохи разноцветного сияния мелькнули над символикой боевой машины.

Наверное, пилот-шас'вре думал, что без проблем завалит врага, ведь обычно оружие тау рвет имперскую броню, как папиросную бумагу. Крайне ошеломленный увиденным, он был застигнут врасплох: слишком поздно запустил двигатели и не успел набрать высоту, пока Рыцарь неуклюже бежал к БСК, сотрясая землю и заноса цепной кулак. С быстротой, поразившей нас всех, клинок врубился в ногу «Быстрины» и начисто отсек её. Лезвие, продолжив путь, вонзилось в боковую часть прыжкового ранца и разрежало левое сопло. Изрыгающий выхлопные газы боескафандр дернулся влево и пропал из моего поля зрения.

Мы отступали от Рыцаря в полном порядке. В свою очередь, катаканцы массово покинули заросли и бегом устремились к командному узлу. Выглядело всё так, словно они отказались от плана атаковать центр обработки и сосредоточились на комплексе управления.

Там находился эфирный, и это взбудоражило всех тау. О'Хие'эсера приказала окружить командный узел стальным кольцом из бойцов. Это ведь была очевидная цель противника, верно? А атака на центр обработки – просто отвлекающий маневр.

Как же мы все ошибались.

– Команды гуэ'веса восемь-четыре-четыре-восемь, восемь-восемь-девять-семь и восемь-девять-один-три, отступить к центру обработки, – отдал приказ эфирный аун'Кира. Он располагался в командном узле, и, как мы надеялись, был в безопасности. – Представителям вашей расы будет спокойнее в присутствии сородичей. Защитите комплекс от любых случайных нападений.

– Слушаю и исполняю, аун'Кира. Мы повинемся.

Я передал приказ своей четверке, и мы сломя голову понеслись от движущихся шеренг воинов огня, которые прикрывали отступление друг друга. К нам присоединились остальные люди из нашего кадра. Имперец решил бы, что отправлять чужаков на охрану чужаков – верх идиотизма, но аун знал, что мы подчинимся. То есть, позвольте выразиться иначе: для него почти невероятной была мысль о том, что мы можем не выполнить распоряжение.

Как гуэ'веса'вре с наибольшей выслугой и, вдобавок, бывший капитан, я принял командование над всеми тремя отделениями и привел свой маленький отряд предателей к центру обработки. Это было большое здание, примерно в сотню метров по каждой стороне, с закругленными углами и раздутым фасадом, над четырьмя этажами которого располагался обзорный уровень, выступающий вперед. Типично аккуратная архитектура тау. На верхнем этаже засели снайперы-следопыты, так что мы были там не совсем одни. В здании имелся только один нормальный вход: двойные двери, шесть метров шириной и три – высотой. Они были надежно заперты.

- Как положение внутри? – радировал я.

- Всё тихо, гуэ'веса'вре, – отозвался тау, голос которого приобрел странные нотки, пройдя через переводящий модуль шлема. – Мы вывели вас на экраны для пленных гуэ'ла. Они успокоены вашими действиями.

- Что пожелал аун, то мы исполнили на деле, – ответил я.

Не всегда помню наизусть формальные отзывы. Сейчас они получаются у меня лучше, чем тогда.

Направив две команды на защиту дверей, я повел Хольона, Хелену, Голиафа и Отельяра на пункт охраны, последнее сооружение рядом с главным зданием в незавершенной четверти будущего города. Пост представлял собой небольшую округлую капсулу, установленную в заранее определенную точку на схеме поселения. У него была горбатая крыша с окном по окружности, которое давало панораму на 360 градусов. В общем, пост немного напоминал очень приземистый гриб. Ну, вы представляете.

Мы зашли внутрь, места хватило всем.

- Отсюда у нас будет хороший обзор, – сказал я. – Не то, чтобы ожидалось нечто серьезное.

Потом мы понаблюдали за калейдоскопом лазерных и импульсных разрядов вокруг командного узла и вспышками энергетических щитов тау. Я сожалел, что не участвую в перестрелке возле центра управления – теперь, когда неприятели вышли из леса, они тоже оказались на голой земле, но без защитных экранов на дронах. Но, клянусь Императором, сражались катаканцы неистово, а когда добрались до воинов огня на расстояние удара, то начали безжалостно вырезать их этими огромными джунглевыми ножами.

Где могли, мы поддерживали тау огнем, но нас было только пятеро, и наше оружие оказывалось неэффективным на таком расстоянии.

Всё время я помнил, что Умелый Оратор находится в строении позади. Меня успокаивало, что дипломат вдали от боя, и Крикс остается при нем.

Глава шестая

[Зеленое небо задыхается от дыма и мух. Повсюду разбросаны тела, стоит сильная вонь. Субъект удовлетворен делом своих рук. Это предатели. Это - судьба всех предателей. Стоп. Аналогия? Субъект пытается выразить свою ярость и пренебрежение к гуэ'веса. Поразительно. Он сопротивляется наги, которым никто не может сопротивляться. Коллективы повторно сосредотачиваются. Усиливающие машины касты земли действуют на 87% допустимой мощности. Препарирование сознания продолжается.]

Я в умирающих джунглях. Со мной единственное отделение, «Эбеновое крыло». Мое отделение, мои боевые братья на протяжении долгих лет. Много человеческих жизней я сражался рядом с этими умелыми воинами.

Капитан Оделл из 432-го Катаканского полка сигнализирует о своей готовности. Сенешаль Контир из Дома Террин передает нам, что приближается к стройплощадке ксеносов. Я благодарен им за самопожертвование. Их шансы спастись с Агреллана малы, и чужаки жестоко обойдутся с ними, если захватят в плен. После того, как закончится этот бой, они перейдут к партизанской войне. Тот факт, что нам придан Рыцарь, которого почти наверняка не удастся вернуть, указывает на огромную важность миссии. Мы должны захватить одного из змеязыких посланников тау и вырвать из него тайны касты воды. Всё подготовлено для этого.

Мы в ста пятидесяти километрах за линией фронта. Анализ поведения тау во время предыдущих завоеваний показал, что они начинают колонизацию немедленно, ещё не добившись окончательной победы. Цена подобной эффективности - предсказуемость. Нами было установлено четырнадцать возможных зон для возведения посадочных площадок и центров обработки. Фиксируя маршруты перевозки пленных и активность вражеских топографических отрядов, мы сузили разброс до восьми вероятных мест, затем до шести определенных. Отслеживая передвижение нашего предателя изменников, мы отыскивали нужную точку. Всё прошло гладко. Как мы и рассчитывали, наша цель оказалась в предсказанном пункте.

Не издавая ни звука, мы движемся через высохший лес. Тау высокомерны, слишком полагаются на свои технологии. Им не удастся обнаружить ни нас, ни наших союзников, пока мы приближаемся к площадке. Излишняя самонадеянность чужаков погубит их.

- «Скорое возмездие», мы на позиции, ожидайте приказаний, - передаю я нашему эскортному кораблю, небольшому, но проворному. Имею честь лично командовать им в сражении. У нас две возможности достать образец для биологиков: либо добыча спрячется, либо бросится бежать. Мне подойдут оба варианта, и я расслаблен, уверен, что победа, так или иначе, останется за нами.

Отдаю команду провести новое сканирование комплекса ауспиком. Там много ксеносов, но только одна рота их воинов.

- У них могучая техника, брат-сержант, - произносит брат Уск.

- И никчемное воинское мастерство, - отвечаю я. - Мы одолеем врага.

На протяжении перехода мы в своих кельях изучили многое об этих тау, и особенно - детали карательной экспедиции во время первого крестового похода в их область космоса. Я почти не

сомневаюсь, что второй поход достигнет тех же результатов. Мы вытесним чужаков из Дамоклова залива, а со временем сами явимся следом и совершим праведный геноцид. Их миры сгорят, обратятся в склепы, и груды незрячих черепов под безмолвными небесами станут свидетельством мощи Империи.

Но это случится в будущем. Сейчас же я жажду покрыть клинок грязной кровью ксеносов. Теневые капитаны утверждают, что тау – достойные враги. Возможно, и так, но они всё равно чужаки, и потому заслуживают лишь презрения.

Мне поступает вокс-импульс, промодулированный во избежание перехвата. Капитан Оделл и его бойцы на позиции.

- В атаку, - отвечаю я им. - Да пребудет с вами Император.

- Я истосковался по битве, - произносит брат Ювин, сжимая в руках топор. Все мы ощущаем его нетерпение.

- Уже скоро твоё желание исполнится, брат. Нужно выждать, пока противник окончательно не увязнет в сражении на севере.

Вдали, на другой стороне опушки относительно нашей позиции, раздаётся стрельба. Примерно сейчас Оделл направляет волну штрафников к центру обработки пленных. Очевидная уловка, на первый взгляд. «Настоящая» атака будет направлена на командный узел. Крайне важно, чтобы противник поверил в угрозу их лидеру: только так мы сможем захватить искомую добычу. Ложное наступление на истинную цель, чтобы скрыть наши реальные намерения. Подобные военные хитрости – наша вторая натура.

Я раздражен, что мы не пытаемся поймать одного из повелителей чужаков, но до сих пор каждая такая операция заканчивалась неудачей. Кроме того, теневой капитан Сорокопут сообщил мне, что в случае атаки на эфирного местное население ждут тяжелейшие последствия.

К звукам лазстрельбы примешиваются хлопки разрывов и крики людей.

Меня окружают нечистые заросли, сплетения гнилых ветвей. Они ломкие, высохшие насквозь, но при этом покрыты тлетворной слизью. С каждого сучка свисают путанные лохмотья серого мха. К ногам липнет лесная подстилка из осклизлых черных листьев. Здесь не растёт почти ничего, кроме деревьев, а они больны. Многие из них покрыты некрозами, витыми наростами, из которых по стволам стекает ярко-красная жидкость. Живые существа, замеченные мной, находятся в таком же состоянии. Сенсориум доспеха предупреждает о токсинах в воздухе, способных повредить даже мне, невзирая на физиологию, благословленную дарами Императора. Я вижу, как некий аналог насекомого болезненно взбирается по ветке; его потугам аккомпанируют непрерывные разрывы снарядов боевой пушки. Сенешаль Контир вступил в сражение. Я снова смотрю на жука: уродливое создание участвует в такой же тяжелой битве, как и Рыцарь, хотя просто ищет еду. Это напоминает мне о...

[Опасность! Нечто всплывает из глубин сознания субъекта. Вихрь образов запутывает нас. Драка в узком проходе за несвежую пищу. Оранжевые небеса. Друг. Да, вот источник его воли к сопротивлению. Друг. Женского пола, с грязным лицом и симпатией в глазах. Она пытается выжить. Она пытается отыскать немного еды. Продолжается перекрытие слоев памяти, эмоциональный отклик угрожает захлестнуть нас.]

Машины касты земли на 92% мощности. Препарирование сознания возобновляется.]

...Я выбрасываю из головы ранние воспоминания. Я космический десантник, и у меня есть долг, который необходимо исполнить. Вокруг – нездоровый мир, затронутый порчей варпа. Надеюсь, яды этой планеты задушат ксеносов, когда мы оставим её тау.

– Атака началась, нам пора приступать. Все как один, братья, воспарим на огненных крыльях ворона и обрушимся на чужаков и предателей с праведным гневом!

– Есть, брат-сержант! – отвечают они.

Вместе мы устремляемся в небеса, под нами с треском падают на землю больные ветви. Ксеносы не подозревают о нашем приближении, атака застаёт их врасплох.

Восславьте Императора Человечества, восславьте сына Его и отца нашего – Коракса, Владыку Воронов!

Глава седьмая

Стоило полностью отвлечься на схватку за командный узел, и у нас начались серьезные проблемы. С неба донесся рев. Посмотрев вверх, я увидел сияние выхлопов прыжковых ранцев и воинов в темной броне, несущихся к земле.

Гвардейцы Ворона. Черные доспехи, белые птицы на наплечниках. Пока космодесантники снижались, их прыжковые ранцы рычали, будто какие-то чудовища, а громоздкие болт-пистолеты изрыгали снаряды. Все они были вооружены для ближнего боя и опускались прямо на головы моего ла'руа.

Сменив цель, я открыл огонь по ближайшему воину. Очередь из импульсного карабина обладает достаточной убойной силой, чтобы свалить космодесантника. Ну, если он вдруг снимет броню. При всех плюсах такого оружия, импульсам не хватает пробивной силы. Вероятно, кому-нибудь стоит обратить на это внимание.

Разряды, попавшие в неприятеля, сбили его с курса. Гвардеец Ворона, отброшенный от товарищей, вынужденно извернулся в воздухе, чтобы скорректировать полет, но ни один импульс не пробил доспех. Возможно, имперская силовая броня не настолько продвинутая, как боекостюмы «Кризис», но это не делает её менее прочной. Космодесантник приземлился в десяти метрах от меня; раздался отчетливый лязг. Его друзья, спустившиеся следом, оказались между центром обработки и моим отрядом, в котором не хватало Хинкса.

В следующие три секунды мы совершенно отчетливо поняли, что командный узел не является целью Гвардии Ворона. Они не атаковали воинов огня, защищавших его. Сначала я решил, что астартеcs собираются зайти в тыл нашим силам, заставить нас вести огонь по двум направлениям, а затем перейти в ближний бой, где скажется превосходящая физическая сила людей, и, в особенности, космодесантников. При всем моем уважении к благородным и дисциплинированным воинам огня, они неэффективны в рукопашной. Если бы это единственное отделение добралось до наших позиций, всё было бы кончено. Гвардейцы Ворона прошли бы сквозь лучших шас'ла, как горячий нож сквозь масло.

Но этого не случилось. Напротив, космодесантники направились прямо к центру обработки, где скрывались пять сотен возможных граждан тау'ва. Два отряда гуэ'веса у входа продержались недолго: ни одной потери у Гвардии Ворона, четырнадцать человек растерзаны на куски разрывными снарядами. Затем космодесантники выстроились у огромных двойных дверей комплекса. На моих глазах один из них

превратил запорный механизм в шлак выстрелом из мелтагана, а другие раздвинули створки. Из прохода повалили объятые паникой люди. Кто-то пробовал убежать, кто-то бросался к ногам астартес, пытаясь сдаться. Их всех убивали без разбора.

Долго мне над этим думать не пришлось, поскольку Гвардеец Ворона, приземлившийся отдельно, запустил прыжковый ранец и устремился к посту охраны. Пятеро нас против него одного. Соотношение сил точно не в нашу пользу.

- Выходим! - рявкнул я своей команде, хотя едва мог говорить от ужаса. Ребята бросились назад, выбежали из двери. Мне едва удалось отскочить, когда космодесантник проломил своим телом стену и окно. Распластавшись на полу, я чудом сумел удержать карабин.

- Ты предатель, и я поступлю с тобой соответственно! - гаркнул он. Из вокс-решетки шлема вылетали резкие, грубые звуки. - Приготовься к праведной каре от рук твоего истинного господина, ничтожество!

Ну, или что-то в том же стиле.

Я отчаянно палил ему в нагрудник, но по-прежнему не мог пробить броню. Остальные бойцы отходили от командного пункта, не забывая о резне, творившейся у них за спинами. Перед таким врагом, как десять космических десантников, помедлит сотня самых могучих людей, а мы к ним не относимся.

Гвардеец Ворона навис надо мной. Его облик до мелочей отпечатался у меня в памяти. Брат Ювин, так звали этого воина, судя по надписи на правом наплечнике. С его доспеха свисали полоски пергамента, на пластинах виднелось множество знаков отличия. На правом колене я заметил символ кампании. В общем, парень был перворазрядным ветераном. Забавно, подумалось мне, повернись всё иначе, и я бы тоже носил такой символ, а ему пришлось бы убивать кого-нибудь другого.

Космодесантник занес топор. Ювин был огромен: весил, считая броню, вчетверо или впятеро больше меня, превосходил в росте на голову и плечи, а мускулатуру вообще сравнивать не стоило. Я, наверное, даже его топор не смог бы поднять. Если сражаешься с таким бойцом один на один, надежды на выживание нет, каким бы оружием тебя ни снабдила каста земли.

Топор опустился, лезвие сверкнуло прирученной молнией расщепляющего поля. В последний момент я успел откатиться в сторону. Прозвучал хлопок, с которым энергополе сокрушило внутриатомные связи и обратило часть напольного покрытия в пепел; в том месте осталась глубокая борозда. Сумев кое-как сесть, я вновь открыл огонь. О том, чтобы достать боевой нож, даже не думал, он оказался бы совершенно бесполезным. Впрочем, урон от импульсов тоже был словно от гальки, которой швыряют в скалобетонную стену.

Я приготовился умереть смертью предателя.

Глава восьмая

С великой яростью мы прорываемся сквозь незащищенные тылы неприятеля. Мелтаган брата Хорска заткнул автоматические орудия, направлявшиеся нечестивыми духами. Никто из нашей шестой роты не может превзойти его в мастерстве обращения с этим оружием; возможно, ему нет равных и во всем ордене. Я не раз охотно держал пари по этому поводу, и выиграл большинство споров.

Мы опускаемся на небольшую группу вражеских воинов. Когда я снижаюсь, противники скрываются в

облаке выхлопных газов. Всё мое существо содрогается от толчка прыжкового ранца, в глазах мутнеет. Лишь когда подошвы сабонов с лязгом касаются незавершенной плазы незаконного поселения тау, я осознаю природу нашего врага. Это люди, предатели, отвернувшиеся от Императора Человечества, вставшие на сторону ксеносов. Тут же я замечаю, что сигнал маячка ярко пульсирует – значит, мы не ошиблись при определении места. Меня радует эффективность нашей разведки.

Что заставило этих людей изменить? Я обдумываю вопрос. Кто-то утверждает, что тау прогрессивная раса, что их предложения равенства и дружбы правдивы. И я не глупец: в отличие от биологика Тулка, полностью уверенного в своей теории, и инквизитора Галлия, верящего в неё наполовину, мне не кажется, что дело в каком-то психическом или биохимическом воздействии. Сомневаюсь, что магос часто бывал за пределами собственных миров-кузниц. Инквизитор, почти определенно, немало повидал в Империи, но люди, подобные ему, настолько же пристрастны, как и коллеги Тулка. Они видят только собственную цель и не воспринимают общую картину.

В моменты покоя, после боев, я поражаюсь несправедливости, которая встречается на посещенных мною планетах. Она вызывает в памяти тяжкие лишения, которые в давно минувшую эпоху перенес наш примарх Коракс по вине технархов Освобождения до того, как их правление было низвергнуто Императором. Мне понятно, чем привлекают людей предложения тау. Водная каста вполне обходится полуправдивыми обещаниями свободы. На многих давно позабытых мирах этого более чем достаточно, чтобы завоевать сердца людей.

Но вот чего не понимают изменники: пути чужаков коварны, и нельзя полагаться на нерушимость их клятв. Кодекс чести тау, если таковой существует, отличен от нашего, и недопустимо верить им на слово. Экклезиархия утверждает, что человечество – высшая точка эволюции, что нет более развитой формы жизни. Если это не так, говорят священники, почему же тогда сыны Терры столь многочисленны?

Тау верят, что им предначертано править звездами. В действительности, они всего лишь самозванцы.

И, насколько бы вкрадчивым ни был соблазн, предательству нет прощения. Мы живем во времена страданий, переносимых ради выживания человечества. Кто смеет отвергать подобную ответственность? Никто из людей, будь он самым никчемным сервитором или высочайшим адептом того или иного ордена, низкородившим или благородным, диким или цивилизованным, не вправе так поступать со своей жизнью. Отвернуться от Императора значит отказать Ему в служении, и, следовательно, отказать в служении всему человечеству.

Я не откажусь от служения. Я буду страдать во имя Его и ради всех людей. Что же тогда мне думать о тех, кого я защищаю, и кто, вне зависимости от положения, обращается против меня?

Итак, я могу понять мотивы предателей, но не испытываю к ним симпатии. Симпатии...

[Новый эмоциональный резонанс приводит к кратковременной блокировке препарирования. Он связан с воспоминаниями о спутнице. Возникает ощущение мягких губ на губах субъекта, мимолетный проблеск давно минувшей привязанности. Эти образы важны для него, как бы глубоко ни были похоронены. Почти незаметной тенью они проходят по извлекаемым нами данным – и пропадают.]

Над всем этим я размышляю одновременно с тем, как приземляюсь и искореняю четырех изменников

выстрелами из болт-пистолета, по заряду на каждого. Отреагировать они не успевают. Снаряжение, подаренное им чужаками, весьма достойно, но не может противостоять оружию Императора. Совершая праведные убийства, я не испытываю стыда – ведь эти люди предали всех нас.

Мы без труда добираемся до центра обработки. Изменники приходят в себя, и от моего воинского облачения начинают отскакивать вражеские разряды. Эти импульсы мощны, но не обладают массой, необходимой для пробития наших доспехов. Слои, расположенные под адамантием и пласталью верхней оболочки брони, быстро поглощают их энергию. Оставшиеся у входа предатели погибают от наших рук, и Хорск расплавляет запирающий механизм. К тому моменту, как мы с ним раздвигаем двери, а сервоприводы и фибросвязки доспехов гудят от напряжения, большинство людей-предателей, охранявших комплекс, уже мертвы. Мельком взглянув на тактический слой визора, я вижу, что Ювин отделился от группы, но сражается с небольшой группой человеческих изменников. Он справится.

- Быстрее, в атриум! Наши цели внутри.

Метнув гранаты в двери, я, Раайвак, Колинтинор, Роак, Каав и Хорск врываемся следом. Освещения нет: отключили его, чтобы смутить нас, или же оно вырубилось из-за нашей атаки, неясно. Люди кричат, кто-то бежит к выходу, кто-то падает ниц. И тех, и других расстреливают Уск, Браакор и Кантин, оставшиеся снаружи. Я обдумываю, не стоит ли приказать братьям прекратить огонь, ведь перед нами имперские солдаты. Но потом решаю, что все они – возможные перебежчики, иначе не оказались бы в таком центре, да и покинуть Агреллан теперь смогли бы только под знаменами тау. Пусть погибнут десять хороших людей, чтобы одиннадцатый не поднял оружие против Императора.

Общее смятение играет нам на руку. Визор очерчивает для меня силуэты шептунов из касты воды, когитаторы доспеха анализируют их символику и знаки различия. Никто из них не относится к высшему рангу. Среди них нет чужака, которого мы ищем. Я убиваю их всех – и тогда замечаю его. Подтверждается совпадение с изображениями, переданными мне Сорокопуттом. Чиновник дипломатического корпуса тау; больше того, именно *тот* чиновник.

- Там! Вот этот! Взять его! – указываю я. Ксенос смотрит прямо на меня, но не бежит. Он ранен, хотя и легко. Возможно, находится в шоке? У некоторых существ очень хрупкая физиология.

К нему бросается Роак, пока остальные вырезают последних шептунов тау. Братья отталкивают людей с дороги или рубят, если те не шевелятся – а не шевелятся многие. Некоторые, очевидно, ошеломлены, другие, быть может, пытаются защитить своих тюремщиков. Насколько же переменчива человеческая верность...

В вокс-канале раздаются крики. Звучит пронзительный вопль. Вызвав на экран жизненные показатели отделения, я вижу, что Ювин мертв. Бросив взгляд наружу, замечаю очертания громоздких созданий: командующая тау и её телохранители. Вот настоящий вызов для нас – их броня могуча, на ней установлено немало орудийных систем огромной эффективности. Но тау мягки и слабы – или по природе своей, или по привычке рассчитывать на подобные устройства. В бою они нам не равня.

Я запускаю двигатели, поджигая выхлопом несколько человек, и вылетаю из здания с топором в руках. Ударом плеча отбрасываю с дороги одного элитного воина и повреждаю боекафандр другого лезвием верного оружия. Тот быстро отскакивает назад на струе пламени из собственного прыжкового ранца. Во многих частях визора настойчиво вспыхивают индикаторы угроз: все телохранители снабжены мелтаподобным оружием. Чужаки отходят, чтобы навести его, пытаются окружить меня. Тау уступают нам в сноровке, но их устройства для полета быстрее наших. Скорее всего, я потеряю большую часть

отделения.

Наступление катаканцев на командный узел захлебывается. Всё больше тау готовы вступить в бой с нами.

Гибель здесь не принесет мне чести. Проверив сигнал маячка на визоре, я убеждаюсь, что предатель изменников близко, очень близко, и он жив.

- Отступаем, о братья мои, Вороны! Исчезаем в тенях!

Мои бойцы повинуются, но трое - Ювин, Уск и Колинитор остаются на земле. Ювин и Уск мертвы, Колинитора подвел поврежденный прыжковый ранец. Брат пытается сбросить аппарат, и в этот момент его атакуют с двух сторон. Колинитор бросается на левого врага, но сгусток плазмы, выпущенный правым, сражает его.

С сожалением замечаю, что Роак не сумел захватить дипломата тау, хотя я видел, как брат держал чужака за грудки.

- Успех не сопутствовал нам, - передает он. - Увы, но меня оттеснил свирепой атакой раб-охранитель ксеноса.

Нагрудник Роака пересекает глубокая борозда, но сам воин невредим. Это радует меня: уж если чужак одолел боевого брата, он был поистине свиреп.

- Отступаем! - кричу я. Возможно, мне стоило бы устыдиться неудачи, но её не было. Наш орден отличается мудростью в сражениях, и новые планы уже вступают в действие. Выйдя на связь с братом Рааваном, который в мое отсутствие командует «Скорым возмездием», я приказываю ему быть готовым. Охота продолжается. Охота...

Нападу из теней, думаю я... Как боги, обитающие на луне - всегда из теней. Я снова мальчик. Я готовлюсь осуществить возмездие.

[Другая охота. Мы теряем его. Нужно быть осторожными. Его психика на грани распада. Это препарирование сознания мучительно для всех нас. Он вспоминает. Он вспоминает события далекого прошлого. Он сопротивляется нам.]

Мы стоим на пешеходном мосту, держим в руках украденную полоску металла и ждем. Ждем человека, опозорившего ту, кого мы любили - нашу спутницу.

Он сопротивляется нам!]

Глава девятая

Меня спасла о'Хие'эсера и трое 'уи из её команды «Кризисов» сопровождения. Они устремились с небес, как и Гвардейцы Ворона, только более грациозно. БСК открыли огонь в момент приземления, и позади меня раздался крик боли. Воздух дрожал от лучей из фузионных пушек боескафандров. Одного из космодесантников они испарили на месте. Тот, что собирался прикончить меня, на мгновение отвлекся, и я успел откатиться прочь от смертоносного удара. Не успел воин оправиться, как в бок ему врезалась

очередь опаляющих стустков голубой плазмы. Силой соударения его отбросило в сторону, повсюду разлетелись раскаленные докрасна брызги металла. Некоторые из них попали на меня и прожгли боевое облачение. Пока я стряхивал капли с кожи и поднимался на ноги, яркие пятна перед глазами, оставшиеся после детонации плазмы, немного потускнели. В общем, мне удалось разглядеть Гвардейцев Ворона, которые выходили из боя на струях оранжевого пламени. Они бросили трех своих, мертвых или умирающих.

Хелена лежала неподалеку от поста охраны и выглядела скверно. От Хольона осталось кровавое пятно на каркасе недостроенного здания.

Я посмотрел на космодесантника, едва не убившего меня. Он лежал мертвым, раскинув руки, из пробитой силовой установки на спине натекла целая лужа охладителя. Стустки плазмы выжгли краску на его доспехе. В некоторых местах броня до сих пор светилась темно-красным, а там, где остыла, приобрела от жара новый цвет – серый с пурпурным отливом. В боку Гвардейца Ворона зияла дыра, плоть и кости под доспехом обуглились дочерна. Из разбитых глазных линз тянулись завитки дыма.

Так погиб чемпион человечества. Я не радовался победе: меня с колыбели воспитывали на историях о доблести людей, подобных ему. Больше того, мне стало не по себе, как будто я, наконец, пересек некую границу, за которой нет пути назад. Конечно, до этого я уже убил немало людей, и большинство из них – ради Высшего Блага, и не был ответственен за смерть этого воина. Но сейчас передо мной лежал мертвым не человек, а космодесантник.

Я принял участие в убийстве героя моего народа.

За тау'ва.

До сих пор не люблю вспоминать об этом.

Грохот битвы приутих, и меня бросило в дрожь от накопившегося страха, который теперь растекался по жилам. Я испытывал омерзение; всегда так чувствую себя после сражений с людьми. Мне объясняли, что такая вот химия у нас в мозгах.

- Гуэ'ла отступают! Всем отрядам, отбой! Возвращайтесь на свои посты. О'Хие'эсера, ведите преследование, как сочтете необходимым. Касте земли приготовиться к возобновлению работ.

Это произнес эфирный аун'Кира, так я и узнал, что с ним всё в порядке. Судя по виду командного узла, здание почти не пострадало. На северной стороне окончательно умолкла стрельба. Мне удалось мельком разглядеть отступающего Рыцаря: перенеся энергетическое поле за спину, он протопал по грязи и скрылся за деревьями. С востока приближались девять летательных аппаратов, готовые начать охоту за ним.

Среди всех участников атаки именно Рыцарь нанес наибольший урон – десятки убитых, от нескольких боевых машин остались пылающие остовы, причем среди них лежали изрубленные обломки «Быстрины». Из отверстия в пробитом боку шагохода валил дым, но, несомненно, из своего боя он вышел победителем. Очереди с наших позиций стали более разрозненными, поскольку ла'руа воинов огня начали преследование. Судя по вокс-переговорам, действовали они с осторожностью. Катаканцы отступали дисциплинированно, никакого панического бегства не было. Очевидно, их цель заключалась в том, чтобы отвлечь нас и дать космодесантникам возможность для атаки. Задание гвардейцы выполнили, теперь им не было смысла торчать здесь и погибать.

- Голиаф, Отельяр, прием! – выжившие из моего отделения откликнулись на призыв. Оказалось, они

были неподалеку, но в суматохе битвы я не видел парней прямо у себя под носом. Ну, знаете, как это бывает.

- Как Хелена? – спросил Голиаф, когда мы воссоединились. Боец неровно дышал к ней, поэтому голос у него задрожал.

- Не поднимается. Непонятно, жива или нет, а Хольону крышка, – с этим я показал на куски мяса, оставшиеся от нашего друга-выдумщика.

Впоследствии оказалось, что Хелена выжила, но потеряла левую руку ниже локтя. Её оторвало болтом, и женщина погибла бы от осколков, если бы не броня. Спасибо от меня касте земли. Слышал, восстановление идет хорошо, и довольно скоро Хелена сможет вновь присоединиться к вспомогательным корпусам гуэ'веса.

Тогда я этого не знал, считал, что она мертва, и просто не хотел проблем с Голиафом, вот и не ответил ему прямо. Голова у меня кружилась из-за последствий боя, надо было собраться.

- Отряды медиков фио'ла уже в пути, – сказал я. – Оставим Хелену их заботам. Пошли, нужно проверить, как там пор'эль. У меня нехорошие мыслишки по поводу всего этого. Не тянет оно как-то на случайный налет.

Я зашагал к центру обработки, из которого вытекал поток людей в одноразовых респираторах. Пленников направляли вооруженные шас'ла. У главного входа веером лежали тела, разорванные в клочья. Увидев, как космодесантники расстреливают заключенных, я сначала решил, что они явились именно для этого, но затем понял свою ошибку. Убитые арестанты-гуэ'ла были всего лишь побочным ущербом.

Но к мертвым дипломатам касты воды это не относилось.

- Помогите шас'ла! – скомандовал я Голиафу и Отельяру. – Пойду, разыщу пор'эля.

Вбежав в здание, я увидел, что шесты и легкие занавески, аккуратно разделявшие этаж на несколько зон, повалены и изорваны. В стенах зияли тлеющие воронки от болт-зарядов. Освещение вырубилось, а солнце, сиявшее в открытые двери, не доставало до всех уголков. В светлом квадрате клубился голубоватый дымок, и этот квадрат показался мне выставкой кровавых ужасов. Двое медиков фио'ла пытались стабилизировать человека с какими-то лохмотьями вместо ног. Раненый, содрогаясь и харкая кровью, постоянно дергался вперед и пытался сесть. Фио'ла держал его за руки и бормотал что-то одобряюще-успокаивающее на тау'но'поре. Прямо перед собой я увидел изломанные конечности и разорванные туловища; они валялись, разбросанные около воронки от взрыва гранаты, словно лепестки кровавого цветка. Люди плакали и кричали, повсюду носились медики, которые торопливо раздавали им дыхательные маски. Шас'ла выводили контуженных военнопленных наружу. И, наконец, здесь и там лежали тела тау из касты воды. Полдюжины мертвецов, жестоко разрубленных на куски.

Вот тогда я запаниковал.

- Пор'эль Умелый Оратор! – кричал я. – Умелый Оратор? Умелый Оратор?!

Проталкиваясь через толпу людей, я никак не мог отыскать синее лицо среди коричневых, черных и белых.

- Успокойся, гуэ'вре. Я жив.

Я закрутился на месте, пытаюсь найти дипломата.

- Сзади тебя, у стены! - его сладкозвучный голос стал хриплым от дыма и, возможно, ядовитого воздуха. Очистители атмосферы вырубались, и наружные токсины просочились в здание.

Заметив Оратора, я поспешил к нему. Пор'элю перевязывали рану на руке; медики разрезали рукав облачения, постоянно носимая им шляпа касты воды куда-то пропала, и кто-то вырвал из уха дипломата устройство связи с антенной. С облегчением я увидел, что Умелому Оратору надвинули на лицо кислородную маску. Он был с ног до головы залит кровью людей и тау.

Повесив карабин на плечо, я опустился на колени перед дипломатом, чем заслужил раздраженный взгляд медика. Мне было наплевать.

- Ты в порядке, пор'эль?

- Я тронут твоей заботой, гуэ'веса'вре Дж'тен, - в голосе Оратора звучала усталость, незнакомая мне прежде. Резня взволновала дипломата, он постоянно отводил глаза.

- Всё готово, пор'эль, - сообщил медик. - Повреждения минимальные, рана на руке неглубокая. На груди, там, где вас схватили, выступают синяки, но не более того.

Поведя рукой, Умелый Оратор кивнул. Было видно, как его гибкие мускулы играют под пластиковыми бинтами.

- Благодарю тебя, фио'ла. Теперь ступай, здесь ещё много нуждающихся в твоей помощи.

Выпрямившись, я протянул ему руку. Схватившись за неё, дипломат поднялся на ноги. Затем он попробовал отряхнуться, но только размазал кровь по одежде. Поднеся ладони к лицу, Оратор хмуро уставился на них.

- «Схватили»? Они пришли за тобой, хотели похитить, - понял я. - Вот ради чего затевалось всё это.

Он пару секунд смотрел на меня, а затем улыбнулся.

- Ну, разумеется, друг Дж'тен. Конечно. Множество миров Империи сделали выбор в пользу присоединения к нам, ради взаимной выгоды. Твои бывшие повелители настолько ограничены умом, что решили, будто мы применяем некие тайные методики, склоняя людей к предательству. Возможно, они наделяют нас, дипломатов, какими-то сверхъестественными способностями, как и наших возлюбленных эфирных, - пор'эль рассмеялся. - Не нужно унывать. Случившееся указывает, что Империя в отчаянии, поскольку нападает на оратора, а не на его речи. Но ведь, опять же, слова не так легко убить! Проще сражаться с осязаемым врагом.

- Если так, нам нужно доставить тебя в командный узел, где можно пересидеть всё это, - ответил я. - Пошли, мы тебя проводим.

- Нет, друг Дж'тен. Мне было приказано покинуть эту планету, перейти под защиту кадров поддержки кор'ваттра до окончания боевых действий. Похоже, меня считают слишком важным, чтобы рисковать моей жизнью, - и это весьма мне льстит, - но сам бы я предпочел остаться здесь и помогать с делами на передовой. Впрочем, приказ есть приказ, и я иду, куда велит Высшее Благо, а не куда пожелаю сам, - при этих словах по лицу Умелого Оратора промелькнуло непонятное выражение, тут же сменившееся улыбкой. - Ты и твой отряд отправляетесь со мной.

- Хольон мертв. Хелена, думаю, тоже.

Дипломат изменился в лице.

- Горько это слышать. Они погибли за всех нас.

- Тау'ва, - машинально ответил я.

- Тау'ва, - отозвался он. - Я лично прослежу за тем, чтобы с останками твоих товарищей обращались с великим почетом. Они были хорошими друзьями и достойно служили.

- Благодарю тебя. Сколько времени до отбытия?

- Скоро прибудет корабль, который заберет нас.

- Подожди-ка, - сказал я. - Наверное, мне не по чину говорить такое, но я принес клятву защищать тебя. Так вот, если ты покинешь планету, то окажешься уязвимым во время перелета. *Космических десантников* так называли не без основания: они мастера пустотных боев, их корабли - одни из быстрых в Империи. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что они хотят выманить тебя туда, где ты будешь уязвимее, пор'эль. Нам нужно остаться здесь, тут ты будешь в большей сохранности. Завоевание почти закончилось.

И снова по его лицу мелькнуло странное выражение, смесь человеческих и чужацких эмоций, суть которой я не смог понять. Умелый Оратор знал что-то, неизвестное мне... или, может, сейчас я просто домысливаю это задним умом.

- Я иду, куда требует Высшее Благо, Дж'тен, - повторил пор'эль, взяв меня за плечо раненой рукой. - Эти распоряжения исходят от самого аун'Ва, и ты отправляешься со мной.

- «Повинуйся без сомнений, подобно реке, что без жалоб стекает с холма», - процитировал я.

Иногда мне кажется, что истинным тау это дается легко. Вы повинуетесь аунам без раздумий, но некоторым из нас тяжело поступать так же.

- Именно так, именно так, - Оратор похлопал меня по плечу.

- А что Крикс, где он? - спросил я, оглядев раскуроченное помещение. - Они ведь не прикончили его, надеюсь?

Пор'эль покачал головой.

- Нет, он где-то кормится. Криксу сложнее подавлять врожденные аппетиты, чем некоторым крутам, но он свирепый воин и верный страж, так что я прощаю ему недостатки. А теперь собирай своих бойцов, скоро за нами придут кор'ла.

Глава десятая

Примерно через пять минут мы уже стояли на летном поле, а над нами медленно разворачивалась громадная «Манта», готовясь к приземлению. Эти корабли очень велики, и казалось, будто она совсем рядом, но после посадки обнаружилось, что до заднего люка нужно пройти ещё метров пятьдесят. Я подгонял пор'эля, и мы шли быстрее, чем позволяет этикет. Забравшись внутрь, все торопливо

поднялись на верхнюю палубу, мимо незанятых ниш для дронов и боекафандров. Корабль пустовал: всё, спущенное им с орбиты, сейчас участвовало в боях. Пребывание в огромном свободном пространстве действовало мне на нервы.

- Готовы к отбытию, пор'эль, - голос пилота, раздавшийся из ниоткуда, прозвучал у нас прямо в шлемах.

- Очень хорошо. Давайте убираться отсюда как можно быстрее, - отозвался Умелый Оратор.

«Манта» содрогнулась, у всех нас желудки дернулись вниз от внезапного ускорения. Меня вдавило в кресло; клянусь, эти штуковины взлетают так быстро, что люди едва переносят отрыв. Сам видел, как кор'ла выполняют маневры, от которых человек бы вырубился.

Затем мышцы лица потянуло вниз, я ощутил, как перегрузки стараются разорвать кожу - и тут стало полегче, а потом наступил момент невесомости, когда «Манта» прекратила ускорение. Секундой позже включилась искусственная гравитация. Стандартная для планеты Т'ау: немного слабовато для обычного человека, но чертовски лучше, чем ничего.

Умелый Оратор сидел с закрытыми глазами, откинувшись на подголовник кресла. По обеим сторонам от него тянулись ряды сидений с аккуратно сложенными ремнями безопасности. Пустой трон эфирного, расположенный в носовой части отсека, вдруг покачнулся от толчка, которого я не ощутил.

- Пор'эль, ты в порядке? - спросил я.

- Что? - дипломат поднял веки, медленно, как делают все тау. - А, да-да, я в порядке. И ты просто образцово выполняешь свою работу, друг Дж'тен. Я буду рекомендовать тебя командованию вспомогательных сил касты огня.

- Ага, шикарно. Спасибо, - неохотно проговорил я, не будучи в тот момент уверенным, что хочу привлекать к себе столько внимания. Тогда я ещё не отошел от смерти космодесантника, пусть даже он едва не прикончил меня. - У тебя точно всё в норме?

На это Умелый Оратор прищелкнул языком.

- Да ты суетишься надо мной, как классная мать над учебной группой! Я в порядке. Мне доводилось бывать в худших ситуациях, чем эта, во много раз худших. Тут скорее я должен поинтересоваться, всё ли у *тебя* в норме?

- Ты до этого сталкивался с космодесантниками? - невпопад спросил я.

Дипломат слегка вздрогнул.

- Нет, не приходилось. Ох, и могучие же бойцы, - он улыбнулся. - Но, как бы сильны они ни были, друг Дж'тен, Высшее Благо сильнее. Настолько сильнее, что его не сможет превозмочь горсточка гуэ'рон'ша. Не бойся их.

- А я боюсь, - признался я. - И с грустью вспоминаю об их гибели.

Откинувшись на спинку кресла, Умелый Оратор снова закрыл глаза.

- Это печально, но объяснимо. Они - герои твоей культурной среды. Полная ассимиляция в тау'ва живородящих существ, которые создают пары, заботятся о потомстве и обладают вашей продолжительностью жизни, занимает три поколения. Я надеялся, что люди будут приспособиваться

быстрее, – в его голосе не было разочарования, только сдавленный горловой смех. Приятный звук, словно вода бежит по камням. – Прости, я смеюсь не над тобой, а над самим собой.

Когда пор'эль вновь открыл глаза, в них искрило веселье.

– Я побился об заклад с пор'уи Ка'шато, что ты полностью вольешься в тау'ва. И, кажется, проиграл.

Наверное, у меня был немного удрученный вид, потому что Умелый Оратор потянулся ко мне успокаивающим жестом.

– Не волнуйся! Уверен, что для не-тау, решивших присоединиться к нам в тау'ва, только на пользу будет сохранить частичку прежней жизни, определяющей их личность. Как наши пять каст различаются между собой, что к лучшему, так и расам, входящим в тау'ва, лучше оставаться уникальными. И, пусть я впечатлен твоим погружением в Высшее Благо, но счастлив, что ошибся с достигнутым тобой уровнем. Да, мой друг Дж'тен, ты нравишься мне таким, какой ты есть! Я доверяю тебе. Ты раз за разом доказывал свою верность и полезность тау'ва, – дипломат широко улыбнулся, показав крупные, идеально серые зубы, и коснулся моей руки тыльной стороной ладони. Наверняка я в тот момент упустил множество тонких нюансов, переданных языком тела. – Я рад, что ты рядом со мной, правда.

– Спасибо, – ответил я.

Мне хотелось увидеть, что происходит снаружи «Манты», но в пассажирском отсеке не было ни иллюминаторов, ни обзорных экранов. Не скользил ли за нами полночно-черный корабль? Не наводились ли на нас оружейные системы адептус астартес?

Ненавижу летать. Ну, то есть, меня это не пугает, но я ненавижу подступающее чувство беспомощности. Ракета может ударить прямо в нас, и ничего с этим не поделаешь. Будь я пилотом, хотя бы держал собственную жизнь в своих руках. Но я не пилот, и в такие моменты нахожусь в полной зависимости от кого-то другого. Знаю, это важнейшая часть тау'ва, его базовая философия – вера в окружающих, но таков уж я. Вы сами просили об искренности.

Мы немного подремали, все, кроме Крикса. Никогда не видел этого крута спящим, вообще ни разу. Неужели они постоянно бодрствуют? Проснулся я незадолго до стыковки и сразу почувствовал себя каким-то задеревенелым и липким. Очень захотелось принять душ. Голиаф спал, уронив голову на грудь, изо рта у него свисала ниточка слюны. ОТЕЛЬЯР смотрел куда-то в пустоту и скрипел зубами; глаза его сверкали гневом, и это мне не понравилось.

Потом мы ощутили резкие перегрузки при торможении, которые тянулись так долго, что я едва их выдержал. Последовал легкий толчок, и пилот-кор'уи объявил о прибытии на кор'ваттра «Да'колсуйо».

Глава одиннадцатая

[Мужчина умирает, на руку мальчика льется горячая кровь. Он застал мужчину врасплох, как тот застал врасплох его подругу. Слезы, такие же горячие, как и кровь, стекают по лицу мальчика. Он оплакивает не позор и муки подруги, но совершенное им убийство. Это первая жизнь, отобранная им, и мальчик охвачен стыдом. Возмездие не исцелило сердечную боль, как он надеялся, лишь прибавило новые горькие нотки к его страданиям.]

Глаза мужчины расширяются, он как будто складывается вокруг ножа в животе и безуспешно

пытается схватить мальчика за плечи. Тот скрипит зубами, проворачивает полоску металла и вытаскивает её.

«За что?» – вот последние слова мужчины. Мальчик не отвечает, просто сталкивает его с края пешеходного мостика. Пока тело падает на темные улицы с высоты в пятьдесят этажей, он утирает лицо. Кровь с ладоней липнет к губам мальчика, теплая, как тот единственный поцелуй.

Он уходит в тени и остается в них навсегда.

Так субъект сопротивляется нам, хотя сейчас это происходит исключительно на подсознательном уровне. Машины касты земли на 97% мощности. Препарирование сознания возобновляется.]

Я обращаюсь к моему отделению:

- Мы потеряли трех достойных братьев в бою с ксеносами. Их контрудар был впечатляющим, а их оружие смертоносно даже для нас, наделенных прекрасной броней и дарами Императора. Такой враг заслуживает уважения. Судите тау не по их упадочной философии, не по их напыщенным утверждениям о превосходстве. Возможно, в сравнении с человечеством и его легендарной историей они подобны детям, но их игрушки не становятся от этого менее опасными.

Братья мои согласно кивают. Наш «Громовой ястреб», взбрыкивая на тепловых потоках, быстро уносится от высушенных джунглей Агреллана, громыкает и скрипит корпусом. Подобные возмущения в атмосфере не пугают нас. Гибель не пугает нас. И то, и другое – всего лишь мелкие помехи на пути к исполнению поставленной задачи.

- Не беспокойтесь о срыве изначального плана, ведь мы выгнали нашу добычу из логова, и теперь она слепо бежит навстречу большим опасностям.

В кабине пилотов звучит сигнал тревоги, почти неслышимый в пассажирском отсеке. Корабль ложится на крыло, раздаются гудение батарей питания, отдающих энергию, и лазерные пушки открывают огонь. Затем «Громовой ястреб» возвращается на прежний курс: какой бы ни была угроза, с ней покончено.

Мы прибываем на борт «Скорого Возмездия». Рааван приветствует нас по воксу, как только десантный корабль касается палубы в ангаре ударного крейсера.

- Добыча обнаружена. Мы летим в погоню за ней.

Высадившись из «Громового ястреба», мы слышим нарастающий вой реактора, который прокатывается по всему кораблю. «Скорое Возмездие» устремляется вперед на полном ходу, чтобы настичь нашего врага.

Отделение «Бесшумный коготь» снаряжается в оружейном отсеке; бойцы передали посты на борту ударного крейсера в руки сервов. Из членов ордена на корабле останутся только Рааван и наши братья-технодесантники.

Мы разбираем оружие и очищаем его, не обращая внимания на ускорение. Технодесантники, покинув «Громовой ястреб», перепроверяют наше снаряжение. Сервы, служащие в кузне, нараспев читают мистерии Марса во время мелких починок. Приходит черед серьезных повреждений. Рассеченные

силовые кабели сыплют искрами, когда с Роака снимают пробитый нагрудник и поправляют расположенный под ним пластрон. Из кладовых приносят запасной элемент доспеха, звучат многочисленные молитвы, и броню вновь собирают воедино.

Подобные замены делают ещё несколько моих братьев. Кто-то закрепляет новый наголенник, кто-то надевает другую латную перчатку. Некоторые из выданных им элементов доспеха не окрашены; поскольку каждый брат ответственен за свое облачение, снятые фрагменты будут отремонтированы и возвращены его заботам. Сейчас же для нас важнее всего быстрота.

У брата Райваака отказал механизм боепитания болт-пистолета, так что он берет другое оружие. Сервы вносят полные ящики с боекомплектом. Произносятся литании победы, мы заново снаряжаем магазины и, распевая воинские песни, некогда звучавшие из уст самого Коракса, подвешиваем новые гранаты на пояса. Системы охлаждения наших силовых установок подключены к алтарям обеспечения и заправлены. Подсоединив ауспики к нашим доспехам, техножрецы проводят тестирование, после чего осуществляют дополнительную подгонку снаряжения. Они перенастраивают фибросвязки, исправляют ситуации с плохой передачей сигнала, налаживают перекрестную телеметрию когитаторов. В результате проверки у брата Хука из отделения «Бесшумный коготь» забирают сбоящий шлем.

Оставшуюся часть перехода мы заняты тщательнейшей очисткой брони, поскольку недостойно идти в бой с замаранными символами и знаками различия нашего ордена. Пока мы полируем пострадавшие доспехи, «*Скорое возмездие*» незаметно приближается к цели. Корабль ксеносов, взявший на борт нашу добычу, покинул флот, который осаждают Агреллан. Несомненно, в небесах над планетой-ульем идет жестокая битва: тау пытаются помешать эвакуации, возглавляемой лордом Севераксом. Мы не запрашиваем известий об этом сражении, и нам их не предлагают. Все мысли обращены к нашему заданию, и только к нему.

Мы готовы.

- Приближаемся к кораблю чужаков, - сообщает нам брат Рааван.

Поднявшись, мы идем к трубам абордажных торпед. «*Скорое Возмездие*» оснащено четырьмя такими, но нам понадобится лишь одна. Наш орден редко проводит операции, в которых требуется больше абордажных судов.

Раскрывается круглый люк-диафрагма в хвосте торпеды. Шагая в него по одному, мы занимаем места вдоль центрального прохода, выстроившись в колонну двумя рядами по десять.

Из пола вырастают крепления, внутри которых мы и располагаемся. Включившиеся магнитные замки фиксируют наши доспехи. Мы стоим, готовясь совершить высадку, как только торпеда проплавит дорогу через вражеский корпус.

Все молчат. Самоанализ входит в обычаи ордена, так что каждый из нас в эти последние мгновения предается собственным размышлениям. Малозаметная тяжесть, вызванная постоянным ускорением крейсера, ещё уменьшается, а затем меня толкает в обратную сторону - включились тормозные двигатели. «*Скорое возмездие*» грохочет и сотрясается: нас заметили, и теперь корабли обмениваются залпами. Это также не заботит нас. Мы верим, что Рааван и сервы ордена обеспечат нам успешное возвращение.

- Запуск торпеды, - раздается чей-то голос.

Немногословное напутствие.

Новые силы играют мною, когда вспыхивают реактивные двигатели торпеды. Их рев заполняет отсек, но слуховые авточувства шлема немедленно приглушают звук, защищая мои уши. Абордажное судно мощно трясет, и меня вдавливают в магнитный каркас, как только оно резко ускоряется в направлении цели. Мне сложно выносить подобные перегрузки, а обычный человек, вероятно, не пережил бы их. Неподъемная тяжесть давит на грудь, перед глазами мелькают черные точки. Дышать трудно, но я говорю себе, что это пройдет; так и случается.

Тяжесть исчезает вместе с ускорением, мы ощущаем легкие толчки в разные стороны, пока рулевые двигатели наводят торпеду на корабль ксеносов. Это продолжается недолго, видимо, враг почти не прибегает к маневрам уклонения. Наше судно вздрагивает от ударной волны, но обстрел довольно слабый. С низким гудением запускается мелта-установка на носу торпеды, и, долю секунды спустя, мы врезаемся в корпус чужацкого космолета. Магнитные замки удерживают меня на ногах, но я чувствую, как сдвигаются от сотрясения внутренние органы.

Пока торпеда прожигает дорогу внутрь, мы слышим скрежет траков на внешней стороне её корпуса. Мелты плавают, гусеницы тянут вперед, и наше штурмовое судно вгрызается в корабль ксеносов.

Внезапно всё замирает. Снаружи доносится шипение герметизирующей пены, выброшенной из форсунок торпеды. В нашей ситуации нежелательна атмосферная декомпрессия, поскольку это может нарушить структурную целостность космолета или привести к случайной гибели объекта от удушья.

Носовая часть абордажного судна широко распахивается четырьмя лепестками. Мы выходим в слегка округлый коридор, усеянный обломками и остывающими лужицами металла. Вокруг клубятся облака дыма и пара, воют сирены. Мы на борту.

Первые выстрелы стучат о пластальные нагрудники, слышится лязг саботонов по палубе. Братья рассредоточиваются, я приказываю Кааву взять четверых из отделения «Эбеновое крыло» и отправляться на нос корабля, где расположен мостик. Остальные одиннадцать бойцов следуют за мной на корму.

- Наша добыча близко. Начинаем поиски с хвостовой части.

Сигнал маячка, имплантированного в черепную коробку предателя изменников, ровно пульсирует на моем визоре.

- Так точно, брат-сержант, - отвечают бойцы, и мы отправляемся за победой.

Глава двенадцатая

Когда завывали сирены, мы перекусывали в галерее салона-вестибюля для дипломатов. Гвардейцам Ворона вновь удалось каким-то образом подобраться к нам незамеченными. Едва мы услышали сигналы системы предупреждения о приближении врага, как «Да'колсуйо» резко накренился на правый борт, уходя от столкновения. Момент инерции не совпал с вектором искусственной гравитации на палубе, так что еда и напитки улетели со стола по очень своеобразным траекториям. Весь звездолет трясся от близких разрывов вражеских снарядов и содрогался, выстреливая в ответ тысячи кинетических болванок.

То, от чего пытался уклониться «Да'колсуйо», всё равно врезалось в нас. Раздался грохот и визг

рвущегося металла, за которым последовал интенсивный шум фузионных резаков. Взрыв известил о прибытии Гвардии Ворона на борт космолета.

В выступающих округлых секциях галереи, выходящей на широкий салон, располагались зоны отдыха: диванчики со столами по центру. Вдоль неё шла длинная, прямая лестничная площадка. Дизайн помещения был продуман так, чтобы производить впечатление на потенциальных новичков тау'ва. Растения в горшках, образчики искусства и архитектуры, модели, интерактивные экраны для демонстрации технологий, всё в таком духе. Очень симпатичный салон, в привычном для тау стиле – гладком, немного пресном. Там хорошо было утрясать детали договоров о присоединении или перекусывать по-быстрому, чем мы и занимались. А вот для перестрелок местечко было паршивое.

Быстро похватав снаряжение, мы надели шлемы и проверили оружие. В распахнувшиеся двери со стороны носа вбежали воины огня, облаченные в броню стандартной иссиня-черной расцветки космопехоты. Эти шас'ла всю жизнь тренировались для пустотных боев и абордажных операций, но сейчас им противостояли лучшие в этом аспекте воины Галактики. Мне подумалось, что тут не поможет ни выучка, ни численность тау.

Очень скоро появились и космические десантники, словно знали, куда идти.

Грохот битвы в ограниченном пространстве был просто ужасным. Несмотря на встроенные глушители шлема, в ушах у меня звенело от быстрых тройных хлопков каждого болт-заряда: выстрел, ускорение, взрыв. Я затащил пор'эля в укрытие, уже не сомневаясь, что он является целью врага. Космодесантники собирались перебить нас всех и уволочь Умелого Оратора, для Император знает каких пыток. Я не собирался этого допустить. Каждый раз, когда дипломат пытался встать, толкал его обратно на пол. Проблем это не доставляло: в целом, люди сильнее тау, и каста воды – не самая крепкая из всех.

Оглядевшись, я увидел, что с балкончика можно быстро перелезть к двери, которая ведет из салона в служебный коридор. Кроме того, между столом и низкой опоясывающей стеной галереи имелась прямая линия обстрела на лестничную площадку. Затем я попытался соединиться с тактической сетью тау, но не сумел, на дисплеях шлема появился только «снег». Не сомневаюсь, что её глушили, поэтому у меня было крайне ограниченное понимание общей ситуации.

Дальше я попробовал выглянуть из-за ограды балкончика в нижний зал, но не успел выставить верхушку шлема, как болтерная очередь загнала меня обратно. Пара зарядов пронеслась над головой, пылая двигателями, ещё два врезались в стену передо мной, последний пробил в ней дымящееся отверстие сбоку от нас. Я своим телом прикрыл Умелого Оратора от разлетевшихся вокруг кусков композита.

Пор'эль пытался что-то сказать, умоляюще глядя на меня. Думаю, он хотел объяснить, что должен сдаться. Не помню точно, что говорил дипломат, только то, как я несколько раз орал ему «Нет!». Злился я на него, тут уж никаких сомнений.

- Надо вытащить его отсюда, пока космодесантники не добрались до лестницы на галерею! – крикнул я Голиафу и Отелюру.

Парни стреляли по Гвардейцам Ворона, высунувшись над балконной оградой. Голиаф хладнокровно целился, когда воина огня рядом с ним отбросило назад. Импульсная винтовка тау свалилась за край, он сделал пару неловких шагов спиной вперед, а затем болт у него в груди взорвался. Нас всех забрызгало телесными соками. Бывший пират даже не вздрогнул, хотя у него кровь текла по шлему, а спокойно продолжил стрелять. Отелюр, напротив, неистовствовал. Лицо бойца было скрыто под визором, но я предполагал, что он рычит от ненависти к элитным воинам Императора. Теряет самоконтроль,

становится нашим слабым местом.

Голиаф довольно быстро подчинился и прекратил огонь, а Отельяр повиновался только после того, как я повторил приказ, да и то нехотя.

- Шас'уи! Шас'уи! - позвал я, обращаясь к командиру воинов огня. Откликнулся он не сразу.

- Хочу выводить пор'эль отсюда, - объяснил я на очень исковерканном тау'но'поре. Многие тау с трудом понимают человеческие акценты, мы ведь не добираемся до высоких нот и не способны как следует управлять глубиной вибрато, а эти многочисленные гортанные приступы просто убивают наши связи. Впрочем, шас'уи уловил суть.

- В служебную дверь! - крикнул я.

Пронесшаяся над нами ракета вырвала кусок потолка. Из дыры вывалился бешено искрящийся клубок проводов, и значительная часть освещения в галерее вырубилась. В разных местах вспыхивало пламя; думаю, космодесантники внизу палили из прометиевых огнеметов. Видимо, системам жизнеобеспечения тоже досталось, потому что галерея наполнилась клубами ядовитого черного дыма. Разбрызгиватели судорожно выбрасывали огнестойкую пену, но пострадали и они, так что пожар выигрывал сражение.

- Скоро придет о'ва'Дем, - сообщил шас'уи, имея в виду своего командира. Раньше я о нем не слышал и не понял, из каких слов составлено это имя.

- Я уходить сейчас. Если командир прибывает, пор'эль дальше оставаться в опасности. Гуэ'рон'ша забрать его. Они подняться по лестнице - они убить нас всех, забрать пор'эля. Я увести его отсюда, ты не пропускать врага!

На это шас'уи ничего не ответил, и я проклял свое человеческое горло. Очевидно, услышанное показалось тау неразборчивой мешаниной звуков.

- Мы уходить сейчас! - прокричал я так чисто, как только смог, указывая сначала на себя, затем на Умелого Оратора.

Болт-заряды уже то и дело влетали в галерею, поэтому отличный шанс объясниться с шас'уи был упущен. Навстречу миниатюрным ракетам космодесанта почти так же часто неслись импульсные разряды, и нам предстоял опасный рывок через простреливаемый участок.

- Я должен сдаться им! - вмешался пор'эль. - Уже пролилось достаточно крови!

Ни я, ни воин огня не обратили на него внимания.

- Готовься, - сказал я дипломату. - Ты понял? - шас'уи.

Кивнув, тау подозвал трех своих бойцов.

- Прикрывайте галерею, чтобы пор'эль Умелый Оратор смог спастись, - скомандовал он. Дверь открылась, поджидая нас.

- Прекратить огонь!

Импульсные очереди смолкли, как и приказывал шас'уи. Трое воинов огня бросились в коридор, закрывая собой от болтерного огня подходы к спасительной двери. Пригибаясь, мы рванулись следом за ними.

Все трое погибли очень быстро. Воины огня, крутившиеся на месте от попаданий болтов и последующих взрывов, отдали жизни, чтобы защитить пор'эля и нас.

- Тау'ва! - крикнул один из них перед смертью. Тут же Отельяр пронзительно завопил и неуклюже вывалился в служебный коридор.

Мы выбрались вчетвером: я, Крикс, Умелый Оратор и Отельяр.

Боец отчаянно хватался за шлем, в котором появилась трещина.

- Дай мне посмотреть! Дай посмотреть! - наклонившись, я отвел его руки в сторону и отстегнул крепления. Как только мне удалось снять шлем, Отельяр успокоился. Пробития не было, но отколотый кусок композитной подкладки вонзился в скальп бойца. Я удалил источник боли, и Отельяр расслабился, хотя по лицу у него текла кровь.

- Ты в порядке?! - мне приходилось кричать из-за грохота в галерее. - Надо убираться отсюда!

- А где Голиаф? - выдохнул он.

Голиаф. Я развернулся, не выпрямляясь.

Бывший пират лежал на полу у выхода, выбросив руку в сторону. В боку у него зияла красная дыра размером с два моих кулака.

Он секунду смотрел на меня, а потом умер. Можно подумать, что в таком взгляде должны быть какие-то чувства. Удивление, или боль, или ярость... Но ничего подобного не было, вообще ничего.

С галереи теперь доносились звуки стрельбы из более тяжелого оружия. Визг сгустков плазмы и приглушенные хлопки их разрывов; тихое, но опасное гудение скорострельной пушки. Я мельком заметил, как боекафандр неизвестной мне модели перепрыгивает через балконную ограду и обрушивается на космодесантников внизу. Стволы его импульсного орудия блистали синевой, выстреливая звездную материю в воинов Императора.

Скользящая дверь плотно закрылась, отрезав нас от грохота битвы.

Глава тринадцатая

Брат мой Каав докладывает, что они достигли мостика без потерь, встретив минимальное сопротивление, и разделались с пилотами. Я приказываю ему прочесать окружающие коридоры и убить всех, кого удастся найти, после чего отступить к абордажной торпеде.

«Минимальное сопротивление». Здесь дела обстоят иначе: мы ворвались в какую-то трапезную, зал для принятия пищи, обставленный в упадочническом стиле. Он велик, и больше напоминает музей или выставочный зал, чем столовую. Помещение изгибается вдоль корабля, и я не вижу его дальнего конца.

Скульптуры и экраны разлетаются на куски под болтерным огнем. Ответные залпы противника, очереди высокоэнергетических частиц, опаляют стены вокруг нас.

Врагов немало, прежде всего - пятьдесят или около того воинов огня, хотя многие из них уже мертвы. Они расположились по всей столовой, в галереях, прячутся за произведениями варварского «искусства»

тау. На их стороне преимущество в численности, высоте и укрытии, но мы – Гвардейцы Ворона, космические десантники Императора. Мы – самые могучие воины в Галактике, и наши противники умирают.

Трое моих братьев пробились к галерее, где до этого заметили дипломата. Он прижат огнем вместе со своими охранниками, людьми-предателями. Вскоре мы захватим цель и покинем этот корабль.

Повсюду вокруг нас свистят импульсные разряды. Вшестером мы удерживаем вход в столовую, ещё трое продвигаются вперед, каждый раз выжидая прикрывающей очереди с нашей стороны. Это брат Хук из отделения «Бесшумный коготь», вооруженный огнеметом, и его боевые братья Колот и Крук. Один из моих бойцов бросает по дуге гранату, которая разрывается рядом с небольшой группой тау; враги падают замертво, пронзенные осколками. Под прикрытием детонации Хук сотоварищи вновь бросаются вперед. Братья на галерее сражают трех неприятелей, занимают позицию в одном из выступов и открывают огонь сверху. Воины огня под ними вынуждены бежать в укрытие, те же, что пытаются вытеснить Гвардейцев Ворона с балкона, быстро гибнут. К этой зоне отдыха, как и ко всем остальным, ведет лишь один длинный коридор, и тау не могут приблизиться безнаказанно.

Теперь Хуку, Колоту и Круку не нужен прикрывающий огонь.

Звучит шумный вздох загорающегося прометия, и пламя охватывает весь нижний этаж столовой. Раздаются визгливые крики чужаков. Пальба с их стороны зала почти умолкает, прекращаем стрелять и мы – наши возможные цели умирают в огне...

[Огонь. Он вспоминает огонь. Новая мимолетная помеха.

Огни перерабатывающих фабрик, что выбрасывают смог в ночное небо. Огни на кораблях небесных воинов, спустившихся за ним в тот судьбоносный день. Огни сотни пылающих миров.

Машины касты земли на 98% мощности. Во втором коллективе наги остается 29% живых членов.]

Огонь...

И следом, дурные вести.

- Брат-сержант Корникс, дипломат сбежал из галереи.

- Один? – спрашиваю я, проклиная злую судьбу.

- Никак нет, брат-сержант. С ним двое людей-предателей и птицеподобный ксенос.

Взглянув на визор, я понимаю, что пульсация мачка-имплантата остается ровной. Судя по всему, мы должны перейти к гамбиту инквизитора Галлия.

- Не всё ещё потеряно, – говорю я, и, хотя брат не отвечает, смятение ощутимо в самом его молчании. – Мы – мастера секретных дел, и держим при себе то, что не должен знать никто иной.

Брату достаточно этого объяснения; он знает порядки ордена.

- Брат-сержант! – успевает крикнуть Хук перед тем, как рухнуть замертво. Его огнемет изменил баланс в

нашу пользу, но дым и пламя позволили элитным воинам врага подобраться незамеченными. Пришло время для настоящего испытания.

Пятеро неприятелей шагают сквозь удушливый вихрь пожара, стреляя по нам. Они облачены в доспехи такой же сине-черной расцветки, что и у воинов огня. Один из ксеносов наводит плазменную пушку на оставшихся товарищей Хука, и сгусток раскаленного добела газа пробивает грудь Круку. Пламя, поглощающее брата, вырывается из его глазных линз.

Командир чужаков облачен в более крупный боекафандр, который с виду полностью отличен от других и выкрашен в яркий багрянец. Он атакует с грозным неистовством, и Колот падает, присоединяясь к павшим братьям к смерти. Мы почтим его жертву сейчас и будем помнить о ней вечно.

Воины огня, ещё мгновение назад готовые бежать, сплываются вокруг лидера и его телохранителей. Один из этих одоспешенных рыцарей гибнет под сосредоточенным болтерным огнем моей группы, но остальные будто не замечают попаданий: снаряды рикошетят от наклонных панелей брони или взрываются на поверхности. Оружие, установленное на БСК, намного эффективнее в бою против нас, чем то, которым снаряжены пехотинцы тау.

- Отступаем! - рявкаю я. - Отходим к торпеде!

- Мы провалились! - Роак разгневан, и к гневу его примешивается стыд.

- Нет. Мы достигли цели. Резня - не единственный способ добиться победы.

И это правда, думаю мне. Но, если я отступлю сейчас, внимание чужаков обратится к спасению дипломата. Нужда требует совершить отвлекающий маневр, пожертвовать собой. Но умереть здесь должен только один из нас, этого будет достаточно.

Я принимаю этот жребий без колебаний. Так, как мы служим Императору, и, через него - всему человечеству.

- Отступайте, я задержу их!

Мои братья повинуются мгновенно и оставляют зал, прикрывая друг друга по пути. Доспехи ксеносов делают их сильными, но они всё равно осторожны в столкновениях с такими, как мы.

Клятва моя - служить Императору. Мы наносим удары из теней, если это возможно, и собираем славный урожай среди смятения и паники, рожденной нашими действиями. Но не сегодня. Не каждую войну можно вести втайне, не каждую битву можно выиграть, напад из темноты. Я встаю прямо, у всех на виду, поднимаю болтер и во весь голос кричу о превосходстве человечества над чужаками, что пытаются узурпировать наше право владеть звездами. Затем, когда внимание врага привлечено, я пою тихие песни моего ордена.

Ксеносы не приближаются ко мне, не могут найти позицию для верного выстрела. Я сдерживаю их.

С радостью узнаю, что мой отряд готов к отбытию. Братья связываются со мной, сообщают, что уже на борту торпеды, и просят присоединиться к ним. Я так и сделал бы, если бы мог. Отвлекающий маневр можно признать успешным, и наш последний план должен сработать.

Но мне не удастся отступить. Я окружен, и тау пытаются зайти ко мне с тыла, одновременно прижимая огнем с фронта. Всё новые и новые противники стреляют в меня с галереи.

Швыряю гранату в меньших воинов, подбирающихся сзади. Затем отбрасываю почти опустевший болтер и, выхватив топор и болт-пистолет, устремляюсь в атаку на элитных бойцов в БСК, которые засели на галерее. Бронированные оболочки дают им серьезную защиту, но против окруженного силовым полем лезвия она почти бессильна.

Прежде, чем враги одолевают меня, двое гибнут от моей руки, и я удовлетворяюсь этой мыслью.

Глава четырнадцатая

Мы бежали.

Через весь корабль, прочь от звуков боя, вдоль поперечного коридора, соединяющего зал с камбузом и жилыми комнатами для слуг, которые располагались за ним. Какой-то тау в униформе группы обеспечения касты земли высунул нос из каюты, но я зарычал на него, приказывая валить обратно. На борту почти не было обслуживающего персонала – тогда я думал, что по счастливой случайности. Их бы всех перерезали.

Но ведь у касты земли всё всегда продумано, верно? Я ведь так долго общался с Умелым Оратором, что должен был об этом вспомнить.

- Доставим его на другой борт, – произнес я, – и отсидимся там, пока с угрозой не разберутся.

- Ты веди, я пойду замыкающим, – предложил Отельяр. – Дай мне ещё один шанс врезать этим шлюхиным детям!

Он был страшно разозлен и дико смотрелся из-за всей этой крови на лице.

Вдали от сражения царила пугающая тишина. Корабль космодесантников больше не стрелял по нам – наверное, командир не хотел попасть в своих. Мы добрались до противоположного борта и развернулись в сторону кормы.

- Туда! – мне уже не хватало воздуха: на космолетах тау слишком разреженная атмосфера. – Вон там есть укрепленный пункт, займем на нем позиции и переждем этот бардак. Я насчитал примерно двадцать космодесантников. Это много, да, но захватить корабль они никак не смогут.

- Джатен, стой, – сказал Отельяр у меня за спиной.

- Зачем?

- Мы только что пробежали мимо отсека спасательных шлюпок.

- И причем тут...

Услышав нарастающее гудение импульсного карабина и резкий, словно щелчок кнута, звук выстрела, я тут же развернулся на месте и увидел, что Крикс падает на пол. Крут, из цыплячьей груди которого валил дым, разок щелкнул клювом, и его глаза потускнели. Он был мертв.

Я замер, чуть не остолбенел от шока, но тут же поднял ствол, без раздумий направив его на убийцу Крикса – Отельяра.

- Не двигайся, Джатен! – потребовал он. Весь гнев парня как будто испарился. Он был спокоен, и это

очень обеспокоило меня. – Дальше пойдем мы с пор'элем, а ты останешься здесь.

– Что? Сейчас же брось оружие! – я не сразу сообразил, что происходит, пребывал в смятении. Ничто до этого не указывало на предательство Отельяра. Только что мы убегали от битвы, собираясь доставить Умелого Оратора в безопасное место, и вдруг такое?

А потом у меня сложилась картинка.

– Всё было спланировано с самого начала. Умелый Оратор – твоя цель, атака – отвлекающий маневр.

– Почти, Джатен, только я – запасной вариант, – по лицу Отельяра всё ещё струилась кровь. – Ты всегда был сообразительным парнем, но в этот раз немного не докрутил.

Наверное, я должен был застрелить его на месте. Возможно, если бы Отельяр остался в шлеме, так бы и случилось. Но я смотрел ему в лицо, видел рану, полученную в бою, где мы сражались вместе. Мы были товарищами, Император подери! Я просто не мог так поступить. Девять месяцев воевал рядом с ним, и что, всё это время он ждал подходящего момента? Чепуха какая-то.

А Отельяр? Он говорил без всякой радости, и мне стало ясно, что парень действует не по своей воле. Иначе и быть не могло.

– Ты – «крот»?

Боец нехотя кивнул.

– И как долго?

– С самого начала. Какая тебе разница? Нас таких много, Инквизиция пытается проникнуть в ряды гуэ'веса с прошлой войны. Они держали меня в «спячке». Наверное, не хотели раньше времени открывать козырную карту, – Отельяр теперь целился не в меня, а в голову дипломата. – Тебя я тоже должен убить, Джатен.

– Но почему? Ты убедил всех нас, что ненавидишь Империиум!

– Так и есть. Из-за обычного невезения моя родина оказалась втянутой во всё это. Мы не лезли в чужие дела последние десять тысяч лет, и тут первый Дамоклов поход с размаху обрушился на наш сектор. Ты в курсе, что эта область космоса просто кишит «потерянными» человеческими мирами? Ну, то есть, сами-то они прекрасно знают, где находятся. Империиуму известно о большинстве из них, хотя ему почти наплевать на эту часть Галактики. На некоторых планетах никогда не слышали про империю людей. Мы знали, и не желали иметь с ней дело. К несчастью для нас, у Империиума оказалось другое мнение. Я хотя бы выжил, в отличие от почти всех, кого знал в этой жизни. А теперь сам бросай оружие, или, клянусь, я прикончу пор'эля перед тем, как погибну!

Это всё и решило. Я понял, что готов отдать жизнь за Умелого Оратора; да, в великих исчислениях о том, кто принесет больше пользы тау'ва, вы, несомненно, оценили бы его намного выше. Но для меня существовало нечто большее, чем слепая верность: мне было не наплевать на пор'эля. Он стал моим первым чертовым другом за очень, очень долгий срок.

Тогда я опустил оружие, и Отельяр ткнул стволом карабина в направлении отсека спасательных шлюпок. Подняв руки, я медленно пошел туда спиной вперед. Округлая дверь повернулась и открылась, реагируя на мое приближение. Мы ступили внутрь отсека, полукруглого помещения с пятью входными люками шлюпок, расположенными вдоль стен на равном расстоянии друг от друга.

- Зачем ты это делаешь? - запинаясь, произнес я пересохшим горлом.

На покрасневшем лице Отельяра блестели глаза, но непонятно было, от слез или от ярости. И он так смотрел на меня вдоль ствола... вызывающе, словно хотел, чтобы я запротестовал, или потребовал бросить оружие, или потянулся за ножом. Любым способом упростил бы ему задачу выстрелить в меня. А было видно, что Отельяр испытал облегчение, когда я повиновался ему - он тоже не хотел меня убивать.

Потом боец утер пот с лица комбинезоном на сгибе руки. Карабин промолчал, и Отельяр ответил мне словами вместо выстрелов.

- Они забрали мою семью.

- Кто?

- Проклятая Инквизиция! - рявкнул он. - А кто же ещё? Ваша трижды проклятая Инквизиция!

Я успокаивающе поднял руки.

- Это не «моя» Инквизиция.

Никогда не считал её «своей», даже раньше, когда был одним из верноподданных Императора. Кто, во имя Терры, вообще может сказать, что он на одной стороне с Инквизицией?

- Я - член тау'ва, как и ты. Не делай этого, Отельяр. Они заживо вскроют пор'эля, чтобы посмотреть, как он устроен. Ты можешь так с ним поступить? Это же наш Умелый Оратор!

Отельяр быстро взглянул на дипломата, затем снова на меня.

- У меня нет выбора: или он, или мои дети. Мои дети, Джатен!

- Они никогда их тебе не отдадут, и ты это знаешь.

Судя по глазам, Отельяр действительно это знал. Не в силах его винить - разве мог бы я в подобной ситуации поступить иначе? Порой я задаю себе этот вопрос, обычно по ночам, когда начинаю кричать, сны становятся мрачными, а до утра ещё много долгих часов. Ответ всегда один и тот же: наверное, нет.

- У меня нет выбора, - повторил он.

Отельяр был прав насчет этого. Такие люди, как мы с ним, в конечном счете просто пешки на доске.

- Их уже нет в живых, Отельяр.

Он пристально посмотрел на меня.

- Ты же понимаешь, я не могу позволить себе поверить в это.

- Мне жаль...

- У меня нет выбора! - заорал он и крепче прижал карабин к плечу. - Если я сдамся, если перекинусь, они убьют мою семью, а потом убьют меня. Имплантат глубоко в черепе, так глубоко, что даже умненькие синекожие не отыщут. Кто-нибудь подберется ко мне достаточно близко, и бабах! Вот и всё. На себя мне наплевать, но мои дети, Джатен...

Умелый Оратор, как и всегда, сохранял хладнокровие. Он поднял руки, успокаивая нас.

- Не бойся, друг Дж'тен.

Затем дипломат повернулся к Отелюару.

- Не стреляй в Дж'тена Ко'лина, это ничем не поможет твоему делу.

- Я не хочу его убивать. Мне говорили никого не оставлять в живых, но вот уж нет. Я буду плясать под их дудочку, только когда они наблюдают за мной. Если ты пойдешь со мной, и без глупостей, ничего Джатену не будет.

- Именно так я и собираюсь поступить, - ответил пор'эль.

- Хорошо, - Отелюар держал нас обоих на прицеле и с каждой секундой всё больше дергался. Звуки боя на другом конце корабля стали громче, и мы снова их услышали.

- На самом деле, он не хочет этого делать, - сказал я дипломату, решив, что смогу уговорить Отелюара сдаться.

- Нет, - возразил Умелый Оратор. - Я пойду с ним, так всё и должно быть. Ради твоей безопасности.

А потом пор'эль шагнул ко мне.

- Благодарю тебя за службу. Ты - настоящий гуэ'веса, вернейший из спутников. Ты послужил тау'ва многими способами, суть которых, возможно, никогда не осознаешь. Может быть, помнишь, как я однажды спросил тебя, в какой форме люди могут провести ритуал та'лиссера?

Я кивнул.

- Отойди от него! - рявкнул Отелюар, но мы не обратили на это внимания.

- Надеюсь, ты ещё подумаешь над этим в будущем. Но это, друг мой, будет нашим та'лиссера, - и Умелый Оратор протянул мне руку. - Данный обычай является приемлемым выражением взаимного закрепления дружбы, верно?

Отелюар и его карабин уже как будто ничего не значили. Да, он застрелил Крикса, но там просто сработал инстинкт самосохранения, и Крикс был чужаком. Когда нужно нажать на спуск, глядя в глаза другому человеку... что ж, тут Отелюар, несмотря на все свои речи, не больше меня был готов убить одного из бойцов собственного отряда.

Потянувшись к Умелому Оратору, я пожал ему руку. Помню, что кожа у пор'эля была сухой и довольно грубой, на ощупь плотнее человеческой. Вообще я нечасто касался тау, и это кажется немного странным. Для нас осязательные контакты важнее, чем для вас.

Дипломат в ответ сжал мою ладонь тремя толстыми пальцами, после чего поднял другую руку и охватил ей наше пожатие сверху.

- Вот моя та'лиссера с тобою, Джатен: связь, которую не рассечь ни жизни, ни смерти, - с искренней теплотой произнес Умелый Оратор. - Я клянусь тебе в этом. Мы с тобой расстанемся друзьями. И спасибо тебе за твою дружбу - это было весьма поучительно, но и...

Тут пор'эль добавил на языке тау что-то непонятное мне, а затем улыбнулся, сморщив то пустое место,

которое у вас вместо носа.

- В вашем языке нет такого слова, по крайней мере, в точности такого.

Отельяр нервничал всё сильнее, то и дело поглядывал на двери, словно в них вот-вот должна была ввалиться орда космодесантников. Он махнул в сторону шлюпок стволом карабина, который по-прежнему держал у плеча.

- Пошел, пошел! - закричал Отельяр, а затем ударил Умелого Оратора и сбил ему шляпу набок. Это разозлило меня сильнее всего, и я тут же накинулся бы на предателя, но пор'эль жестом приказал мне стоять.

Тогда Отельяр схватил дипломата за одежду и потащил спиной вперед к одной из спасательных шлюпок. Люк провернулся и с шипением открылся.

Он обращался с Умелым Оратором грубее, чем нужно было. Да, я сочувствовал Отельяру, учитывая, через что ему пришлось пройти, но он вел себя неправильно.

Перед тем, как люк задвинулся, пор'эль успел попрощаться со мной хорошо известным мне жестом - «тау'ва».

За Высшее Благо.

Только когда палуба содрогнулась от запуска двигателей спасательной шлюпки, я сообразил, что Умелый Оратор назвал меня человеческим именем.

Глава пятнадцатая

Я терплю поражение из-за чужацких технологий. Один из тау прикрепляет какое-то устройство к моей ноге. Мощным ударом наотмашь я отбрасываю противника на пол, расколов его широкий наплечник. Если бы я держал топор в правой, а не левой руке, то сразил бы ксеноса насмерть. Уронив болт-пистолет, тянусь к устройству, чтобы сорвать его; это округлый объект, размером с человеческий кулак. На нем быстро моргает череда огоньков, а затем раздается нарастающий вой. Я слишком поздно касаюсь диска.

Мощный всплеск электромагнитной энергии изгоняет духа моей брони. Все системы отключаются, я ощущаю кинжальные вспышки боли через невральные интерфейсы черного панциря. Дисплеи шлема отказывают, и мир внезапно становится меньше, сужается до краев глазных линз. Без поддерживающей мускулатуры доспех внезапно становится нелегким бременем, заставляя меня потерять равновесие. Я отшатываюсь назад, влачимый тяжестью силовой установки и охлаждающего модуля на спине. Пласталь и керамит брони, прежде защищавшие меня, теперь тянут вниз и вынуждают упасть на колени. Пытаюсь встать, но два уцелевших элитных бойца уже окружили меня и без труда удерживают на полу, положив руки БСК мне на плечи. Подняться я не могу.

Передо мной возникает их лидер, опускаясь к полу на раскаленных добела реактивных струях из летного ранца. Аккуратно приземлившись, он выключает двигатели.

- Рад нашей встрече, сын человеческий, - произносит командир чужаков. Я поднимаю голову и, поскольку стою на коленях, он кажется мне высоким. Какое-нибудь меньшее создание потеряло бы от

этого уверенность. Я сохраняю её, но то, что происходит дальше, застает меня врасплох.

Нагрудная пластина боекафандра приоткрывается, а затем широко распахивается на петлях, и я вижу, кто сидит внутри. В отличие от нас, он не вставляет руки и ноги в конечности доспеха, и скорее пилотирует, чем носит его.

В этот момент мне становится понятна необходимость в таком крупном БСК. Надо мной возвышается не тау, а человек.

- Я - гуэ'веса Дал'ит о'ва'Дем.

Он высок, благороден лицом, обладает уверенным и твердым взглядом. На нем ослепительно-белый облегающий доспех с высоким горжетом, который закрывает нижнюю часть лица. На лбу клеймо - вычурная «I» Инквизиции Императора.

- Когда-то я был инквизитором Люсьеном ван Димом. Можешь использовать это имя, если пожелаешь. Давно уже я не разговаривал с адептом звезд, - произносит этот архипредатель. Он взвешивает мою судьбу, но в его лице нет враждебности. - Мне жаль, что дошло до конфликта.

- А чего же ты ждал, если не конфликта, когда враги человечества выступают против него, а сами защитники людей оборачиваются их гонителями? - отвечаю я приглушенным голосом из-под шлема.

- Держите его, - говорит изменник, кивнув двоим элитным воинам в БСК по бокам от меня. Тау повинуются ему, словно приказы отдает один из их сородичей. Ван Дим - истинный командующий чужаков, хотя кожа у него не синяя, а коричневая. Боекафандры сильнее пригибают меня к полу. Беглый инквизитор тянется к моему шлему, и, хоть я дергаюсь из стороны в сторону, крепко хватает его и ловкими пальцами расстегивает скрытые крепления. Гермозатворы шипят, и в ноздри мне врывается беспримесный смрад гари и сожженной плоти. Стянув шлем, предатель смотрит на меня сверху вниз оценивающим взглядом.

Если двигаться достаточно быстро, я успею сломать ему шею. Проверяю, насколько крепко держат меня охранники, и снова не могу подняться. Если бы в генном наборе Гвардии Ворона до сих пор сохранились все дары Императора, я плюнул бы кислотой в лицо изменнику, но у меня нет железы Бетчера. Она имеется у некоторых братьев, возвращенных на сementи из десятины, что отдают Терре другие ордены. Но я из более чистой породы, в моем теле больше половины генов самого Коракса. Хотя это и несравненная честь, я расплачиваюсь за нее нехваткой способностей, и сейчас впервые в жизни сожалею об этом.

Горжет предателя опускается, складываясь в самого себя, и теперь он совершенно лишен маски.

- Чего я ждал? Сотрудничества, адепт. Сосуществования. Мира. Неужели эти слова настолько отвратительны Гвардейцу Ворона?

Ван Дим держит мой шлем с уважением. Волосы инквизитора седые, как и борода, а глаза у него пронзительно-зеленые.

- Измена. Обман. Бесчестье. Насколько тебе приятны эти слова? - отвечаю я. - Для меня они воплощение зла. Ты для меня воплощение зла. Что они сделали с тобой, эти создания, как отвратили от долга службы?

Склонившись надо мной, ван Дим откладывает шлем в сторону. Перебежчику известно о почтении, с которым космодеканты относятся к своему боевому облачению, и он уважает его.

- Ничего не сделали, просто поговорили со мной. Две сотни лет тому назад я участвовал в Дамокловом Крестовом походе. Меня бросили на планете тау, по которой мы так жестоко прошлись. И какой в том был смысл? О смысле там вообще не вспоминали! С уязвленной гордостью старика Империиум отреагировал на появление расы, которая появилась из тьмы, принесла с собой лишь перспективы мира и спасения. Как сказали мне тау, это именно то, чего пытался добиться наш собственный Император - давным-давно, до того, как великое предательство разрушило его мечту, уже готовую воплотиться в жизнь. Ты ошеломлен? О, я вижу это даже под надетой тобою маской ненависти и презрения. Они многое знают о нас. Да, я поклялся защищать Империиум Человечества от угроз внешних и внутренних. Но чем должен быть Империиум, если не гарантом выживания людей? Я приносил обеты служить человечеству, а не тюрьме, которую оно построило вокруг себя.

- Клятвы Империиуму звучат не так, - огрызаюсь я.

- Таков их дух. Или таким он должен быть.

- Значит, вот как ты перешел на сторону этих наивных детей.

Хмыкнув, изменник улыбается.

- Эльдар говорят то же самое о нас. Мы утверждаем, что их империии конец, и мы унаследовали от них звезды. Это не так, наше время тоже вышло. У нас был шанс, но мы его упустили: Император не сумел возродить прошлое. Я перешел на сторону молодой, полной жизни и справедливой расы. Расы, которая сорвет завесы суеверий и принесет в Галактику новую эру просвещения - эру, когда человечество будет процветать, став частью Высшего Блага.

- Ты пытаешься переманить меня. Тебя ждет неудача.

Беглый инквизитор смотрит на меня, качая головой.

- Я не пытаюсь обратить тебя, поскольку знаю, что не смогу. Тебе невозможно объяснить добродетели Высшего Блага, потому что ты не свободен. Ты не человек, но оружие, и в новом порядке нет места для подобных тебе. Мне жаль.

Жестом он отдает приказ подчиненным, которые поднимают меня на ноги. Броня висит на мне мертвым грузом, и я не могу ничего поделать.

- Ты предатель.

- Если так, то преданное мною заслуживает предательства. Увести его!

И так я попал сюда. В это самое место. Я...

Нет.

Я не сдамся.

Я - брат-сержант Герек Корникс из Гвардии Ворона. Я - брат-сержант Герек Корникс из Гвардии Ворона. Я - брат-сержант Герек Корникс из Гвардии Ворона, и я исполню свой долг!

[Обратите внимание, что это последний связный мыслеобраз, который коллективам наги удалось извлечь из сознания субъекта. Через некоторое время он вызвал у себя остановку сердца, причем побочным эффектом самоубийства оказалась гибель всех уцелевших на тот момент членов ослабленного вспомогательного коллектива. Устройства ментальной интенсификации касты земли, работавшие на беспрецедентных 99% мощности, были серьезно повреждены.]

По итогам данного допроса мы можем сделать лишь одно заключение: гуэ'рон'ша не могут быть ассимилированы в тау'ва. В случае контакта с ними, все силы должны направляться на их уничтожение. Это послужит основной военной цели, – устранению космодесантников как прямой угрозы, – а также сломит боевой дух гуэ'ла и продемонстрирует им самоочевидное превосходство тау'ва.

Отчет наги'о Жоаууллиалло, синаптического арбитра третьего уровня синхронного коллектива наги № 45978, окончен.]

Глава шестнадцатая

О'ва'Дим пришел ко мне вскоре после похищения Умелого Оратора. Наверное, я должен был удивиться, что он оказался человеком вроде меня, но нет, такого не было. Впрочем, я никогда раньше не видел, чтобы тау вот так подчинялись не-тау. Никогда.

Он пришел ко мне в поддоспешнике; на лице у него читалась обеспокоенность.

- Простите, о'ва'Дим, я не справился, – повесил я голову. Меня тошнило, желудок просился наружу, а в голове то и дело возникали непрошенные картины всевозможных пыток, которым вскоре должны были подвергнуть пор'эля.

- Джатен Корлинг? – спросил командующий, и я посмотрел ему в глаза. Похоже, он был стариком – выглядел так же, как и вы после курса хороших антигеронтийных препаратов. Вечно молодое лицо, скрывающее очень, очень древние глаза.

- На нашем родном языке меня зовут Люсьен ван Дим. Пожалуйста, называй меня Люсьеном, ведь все мы равны перед тау'ва, – он говорил на готике с акцентом. Таким же, как у тау.

- Люсьен, – повторил я, и командующий одобрительно улыбнулся.

- Я пришел успокоить тебя. В случившемся нет твоей вины.

- Как это?

- Дело в том, что целью всей этой дезинформирующей операции и было похищение пор'эля Умелого Оратора, а также попадание его в руки Империиума. Ты превосходно показал себя, можно сказать, даже немного слишком хорошо: твоя верность долгу едва не привела к провалу миссии. Случись такое, и похищение Оратора не состоялось бы. Понаблюдав за тобой – а я отлично разбираюсь в людях, Джатен – я начал опасаться, что ты, пусть неохотно, но заподозришь в Отельяре имперского агента.

- Но... – я не верил своим ушам. – Нападения, засада... Космодесантники...

- Мы должны были поставить перед нашими противниками как можно более сложную, хотя и выполнимую задачу, – пояснил ван Дим, – иначе они заподозрили бы неладное. Гвардия Ворона

отличается мастерством в делах такого рода, но я верю, что нам удалось убедить даже их. Жаль только, теперь Инквизиции почти наверняка стало известно, что мы знаем про её спящих агентов. Впрочем, я ожидаю, что дезинформация, которую Умелый Оратор скормит Империи, весьма плачевно скажется на их военных усилиях.

Командующий шел рядом со мной. Я смотрел, как медработники касты земли увозят на тележке мешок для трупов с останками Крикса.

- Как вы можете быть уверены?

- Пор'эль тщательно тренировали, его воспоминания были изменены. В самом деле ни на есть буквальном смысле, Умелый Оратор будет верить в то, что расскажет им, или, по крайней мере, убедит себя в этом. Если же имперцы разгадают обман, что ж... Мы знаем об их «кротах» в тау'ва, таких, как Отельяр, поэтому с пор'элем они просто сравнивают счет, - ван Дим поднялся. - Война в тених ведется многими способами, не только теми, что предпочитает Гвардия Ворона. Умелый Оратор - часть этой войны. Он с радостью согласился на наше предложение, чтобы по собственной воле послужить высшему идеалу.

Мне вспомнился жест, которым пор'эль попрощался со мной, стоя в закрывающемся люке спасательной капсулы.

- Тау'ва, - хмуро произнес я.

- Тау'ва, - отозвался бывший инквизитор.

Именно тогда я обратил внимание на трубку, встроенную сбоку в поддоспешник Люсьена. Уже видел такие раньше: контейнер для наги, которых порой можно заметить рядом с эфирными. Ван Дим держал при себе мозгового червя, защищенного привычной подводной средой от ядовитого для него воздуха. Перехватив мой взгляд, командующий улыбнулся мне, но не слишком уверенно.

- Это? Не волнуйся. Там Илллуосан, мой советник.

- Вы носите его с собой, гуэ'о, - произнес я, испытывая тошнотворный ужас. - Он соединен с вами напрямую?

Рискованно было задавать подобный вопрос.

- Разумеется, чтобы лучше советовать мне, - ответил экс-инквизитор. - Итак, ты хорошо поработал и достойно показал себя. Нам нужно больше людей вроде тебя, тех, кто всем сердцем принимает тау'ва. Когда это случится, мы сможем приложить все силы к достижению всеобщего Высшего блага. Я упомяну тебя в своем докладе, и, будь уверен, в самом положительном ключе. Учитывая, какими похвалами осыпал тебя Умелый Оратор, перед тобой, несомненно, открывается светлое будущее. Тау'ва.

С этим он ушел из комнаты и моей жизни.

- Тау'ва, - прошептал я вслед.

Мне хочется верить, что червь действительно был советником, что ауны не поместили Люсьена под контроль этого существа, что он оставался сам себе господином и служил тау'ва по собственной воле.

Если нет, то мне в любом случае придется верить, что всё это для Высшего Блага.

Какой ещё выбор у меня есть?

Я до сих пор ощущаю вину, - в смысле, за случившееся с Умелым Оратором, - как будто это было мое упущение. Мне снова и снова повторяли, что всё не так, но, если бы я поступил иначе там, над бухтой Му'гулат, то вся схема рухнула бы и пор'эль остался бы в живых. Да, я делал то, что от меня ожидали, но было ли это правильно? Достоин ли я был собственных клятв? До сих пор приходится бороться с подобными мыслями. Понятно, почему меня так вот использовали, но одно дело - понимать, и совсем другое - чувствовать... Переосмысливая тот разговор на борту «Манты», незадолго до того, как Оратора забрали у нас, я пробую понять, не был ли тот спор с пор'уи Ка'шато в действительности попыткой избавить меня от всего этого. Не знаю. Знаю только, что Умелый Оратор был примером для всех нас. Отчасти именно поэтому я подписался на операцию по улучшению голосовых связок.

После трех тау'вир ожидания меня наконец-то записали на следующую неделю. Медики касты земли сказали, что через два тау'вира после операции я смогу говорить, ещё через один буду годен к несению службы, и ещё через пять овладею тау'но'пором в степени, необходимой для старшего командующего офицера. Итого почти половина тау'кира. Но, если всё срастется, то я вновь отправлюсь в Дамоклов залив и поведу первые фронтовые кадры гуэ'веса со вновь завоеванных планет в сражения за тау'ва. Меня не волнует, что придется воевать против бывших братьев. Я даже наслаждаюсь этим. Ничто не идеально, а Империи уж точно. Содружество - тоже, но оно менее жестоко. Даже если бы не было иных резонов, я бы всецело отдался вашему делу из одного только принципа меньшего зла. Вы - пять каст, один народ, но теперь вы и дюжина рас, полтысячи культур. Но, несмотря на это, цель пока остается единой.

Я сделаю абсолютно всё от меня зависящее, чтобы помочь достижению вашей цели, поскольку искренне, от всего сердца сделал её и своей.

Тау'ва.

Запись № 7-9998-14-гуэ'веса.

Институт по делам людей в Луи'са'лоа, Борк'ан. Код для поиска: 14а-159.

Личные воспоминания гуэ'веса'вре Дал'ит Дж'тен Ко'лина, ла'руа № 8448 вспомогательных сил гуэ'веса (охрана дипломатического корпуса), окончены.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Сломанный_меч_/Broken_Sword_\(новелла\)&oldid=16974](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Сломанный_меч_/Broken_Sword_(новелла)&oldid=16974)

Эта страница в последний раз была отредактирована 6 июня 2021 в 18:00.